

Л. А. ДМИТРИЕВ

Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.)

В последнее время, преимущественно в работах Д. С. Лихачева, подвергся пересмотру вопрос о так называемом втором южнославянском влиянии на русскую литературу и культуру в конце XIV—XV в.¹ Большинство старых исследователей древнерусской литературы, в частности Ф. И. Буслаев, М. Н. Сперанский, А. С. Орлов, давали отрицательную оценку второму южнославянскому влиянию, видя в нем засорение русского литературного языка, усложнение его, затруднение его понимания. Однако наиболее правильной представляется точка зрения Д. С. Лихачева, считающего, что второе южнославянское влияние — явление не внешнее, а внутреннее, обусловленное как социально-политическим состоянием Руси в конце XIV—начале XV в., так и развитием русской литературы. «Поэтому не следует говорить, что русские книжники только подражали „югославянской лексике и фразеологии“. На самом деле они были захвачены теми же идеями и настроениями, тем же интересом к внутренней жизни человека. Новые художественно-познавательные открытия в области внутренней жизни человека с несомненностью сказались на стиле, явственно приспособленном к передаче того нового эмоционального мира, который открылся писателям и художникам XIV в.»² Такой подход к сущности второго южнославянского влияния позволяет Д. С. Лихачеву иначе оценить значение его в развитии русской литературы: «Те новые художественно-познавательные ценности, которые принесло с собою южнославянское влияние, в значительной мере способствовали поступательному развитию самой русской культуры. Внутренняя жизнь человека должна была быть осознана, искусство и литература должны были быть обеспечены элементами динамизма и экспрессии. Поэтому художественно-познавательные открытия XIV в. должны были быть рано или поздно сделаны, если только сохранялся поступательный ход исторического развития».³

Большая роль в насаждении на Руси в области литературы приемов второго южнославянского влияния приписывалась югославянским эмигрантам, приходившим с Балкан в конце XIV—XV в., в частности Киприану и Пахомию Сербу. Первым русским подражателем этих южно-

¹ Д. С. Лихачев. 1) *Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века.* — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 105—115; 2) *Человек в литературе древней Руси.* М.—Л., 1958; 3) *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России (IV Международный съезд славистов. Доклады),* М., 1958, 66 стр.

² Д. С. Лихачев. *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России,* стр. 63.

³ Там же.

славянских писателей считался Епифаний Премудрый. Нет сомнения, что тот или иной писатель может оказать огромное влияние на развитие всей национальной литературы и такими писателями для русской литературы XV в. и могли быть пришельцы из южнославянских стран Киприан и Пахомий Серб. Если бы это было так, то второе южнославянское влияние в русской литературе в значительной степени должно было бы рассматриваться, что и имело место прежде, как явление искусственное, принесенное на Русь извне и воспринятое на русской почве как простое подражание новой моде. Но, как уже отметил Д. С. Лихачев,⁴ русский писатель Епифаний Премудрый не мог ни учиться, ни подражать Пахомию Сербу, так как последний был значительно моложе и еще до него на Руси существовали произведения Епифания. Иначе обстояло дело с Киприаном. Литературное творчество Киприана вполне могло оказать влияние на Епифания, и это было возможным тем более, что Киприан был митрополитом всея Руси и пользовался большим уважением русского духовенства, в частности Сергия Радонежского, учеником которого был Епифаний. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть литературное творчество митрополита Киприана и определить, какое влияние оно могло оказать на развитие русской литературы.

В «Сказании вкратце о премудром Киприане, митрополите Киевском и всеа Русии», читающемся в Степенной книге, и в рассказе Никоновской летописи о смерти Киприана говорится, что Киприан — серб.⁵ Вместе с тем из надгробного слова Киприану Григория Цамблака явствует, что Киприан был болгарин, вероятнее всего уроженец Тырнова, и приходился родственником Григорию Цамблаку. Эти разноречивые сведения привели к тому, что в научной литературе одними исследователями Киприан назывался сербом, другими — болгаринном, третьими — полусербом, полуболгаринном. Вопрос о национальности Киприана в последнее время весьма обстоятельно был рассмотрен болгарским ученым Йорданом Ивановым. Приведя все документальные свидетельства, он убедительно доказал, что Киприан — болгарин.⁶

О ранних годах жизни и деятельности Киприана не сохранилось никаких сведений. Вероятно, Киприан был пострижен в Келифаревском монастыре Феодосием Тырновским. Здесь он сблизился с будущим знаменитым общественно-церковным деятелем и писателем Болгарии Евфимием Тырновским. Как известно, Евфимий провел правописно-языковую реформу в болгарской письменности, явился создателем нового стиля в болгарской литературе — эмоционально-возвышенного и риторичного, написал ряд житий, похвальных слов, посланий.

В 1363 г. в числе четырех учеников Феодосия, среди которых был и Евфимий, Киприан отправился вместе с учителем в Константинополь. После смерти Феодосия (27 ноября 1363 г.) Киприан и Евфимий некоторое время находились в Студийском монастыре, откуда они в начале 1364 г. переехали на Афон, где Киприан пробыл около 10 лет. В Студийском монастыре и на Афоне Киприан имел возможность познакомиться с богатыми книжными собраниями этих средневековых культурных центров, он и сам занимался там книжной деятельностью. В 1373 г. Киприан перешел из Афона в Константинополь. Там он, по всей видимости, благо-

⁴ Там же.

⁵ «бысть родом земли Сербьския» — ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913, стр. 440; «родом сербин» — ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 194.

⁶ Йордан Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). Отделен отчетъкъ от Известия на Института за българска литература, кн. VI. София, 1958 (далее: Иванов), стр. 29—67.

даря поддержке влиятельных лиц из византийских представителей рода Цамблаков стал патриаршеским синкелом при константинопольском патриархе Филофее.

В 1374 г. для разбора жалоб литовского князя Ольгерда на митрополита всея Руси Алексея константинопольский патриарх послал своего апокрисиария — Киприана. Во время этой миссии Киприан сумел настолько войти в доверие к литовскому князю, что последний стал просить патриарха поставить в литовские митрополиты Киприана. Возвратившись в Константинополь с этим ходатайством великого князя Литовского, Киприан, кроме того, возвел какие-то обвинения на митрополита Алексея. В результате этого Киприан в декабре 1375 г. был рукоположен патриаршеским собором во главе с патриархом Филофеем в митрополиты Литвы и всея Руси при жизни митрополита Алексея. Посланные на Русь представители константинопольского патриарха для расследования церковной деятельности Алексея никаких вин за ним не нашли. Подобные действия Киприана, разумеется, не могли не вызвать сильного негодования в Москве. Тем более что великий князь Московский Дмитрий Иванович прочил на митрополичий стол своего духовника, архимандрита Спасского монастыря Миханла, или, как его чаще называют летописи, Митяя. Митяй пользовался неограниченным доверием великого князя, но духовенство относилось к нему очень враждебно, даже митрополит Алексей, несмотря на уговоры Дмитрия Ивановича, «дабы благословил прежереченнаго Митяя по своем животе на митрополию», отвечал: «Аз не доволен благословити его, но оже даст ему бог и святая богородица и пресвященны патриарх и вселенский събор».⁷

Получив посвящение в сан литовского митрополита и митрополита всея Руси, Киприан в 1376 г. приехал в Литву и, как сообщают летописи, сразу же послал своих послов в Новгород с патриаршими грамотами о своем поставлении в русские митрополиты. На это новгородцы ответили ему, что признают его митрополитом лишь в том случае, если это сделает великий князь Московский.⁸ Почувствовав, что до смерти Алексея занять митрополичий стол всея Руси ему не удастся, Киприан остался в Литве. Никоновская летопись сообщает, что Киприан якобы явился в Москву, но великий князь не принял его, сказав, что «есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишися на живаго митрополита?».⁹ Как бы то ни было, но ясно одно — всеми своими действиями Киприан восстановил против себя великого князя Московского и укрепил его желание добиться поставления на митрополичий стол Митяя. Именно в 1376 г. Дмитрий Иванович, как это явствует из повести о Митяе, начал энергично бороться за свою кандидатуру.

В феврале 1378 г. умер митрополит Алексей. Сразу же после его смерти Митяй «остави архимандритию по совету великого князя и бояр его, и на митрополичь двор възыде, и седяше на великом и превысоком том столе со всякою областью и необиновением ко всем, елико подобает митрополиту владети».¹⁰ Митяй предпринял попытку нарушить существовавший обычай поставления русских митрополитов в Константинополе: он собирався осуществить свое поставление на митрополичий стол собором русских епископов. Однако суздальский епископ Дионисий резко выступил против задуманного мероприятия, в результате чего Митяй вынужден был идти на поставление в Царьград. 26 июля 1379 г. в сопровождении боль-

⁷ ПСРА, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 196.

⁸ ПСРА, т. III, СПб., 1841, стр. 91.

⁹ ПСРА, т. XI, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 37.

шой свиты он отправился в путь. Когда это посольство почти достигло цели, в море («яко видети уже Царьград близ суца»¹¹) Митяй внезапно заболел и умер.

Киприан, видимо знавший о неприязненном отношении к Митяю русского духовенства, вскоре после смерти митрополита Алексея решил предъявить свои права на русский митрополичий стол. Об обстоятельствах борьбы Киприана за русскую митрополию мы узнаем из его посланий к игуменам Троицкого и Симоновского монастырей Сергию и Федору.¹²

Первое из этих посланий Киприана — небольшое письмо, в котором он сообщает Сергию и Федору, что едет к великому князю в Москву и «велми жадает» видеться с ними. Это письмо датировано 3 июня. Во втором послании Сергию и Федору, в котором Киприан рассказывает о том, как он был принят в Москве, имеется полная дата — «Писана же си грамота мною месяца иуна в 23 день, в лето 6886, индикта перваго», т. е. в 1378 г. На основании этой грамоты первая также датируется 1378 г. Третье письмо, адресат в котором не указан, но по содержанию которого видно, что оно также было написано Сергию и Федору в ответ на их ответное послание на второе письмо Киприана, имеет дату 18 октября без указания года. Судя по характеру, его также можно датировать 1378 г. Из этого письма явствует, что Сергей и Федор были полностью на стороне Киприана. Киприан сообщает им, что будет добиваться своих прав в Царьграде. Наконец, четвертое послание к неизвестному лицу не имеет никакой даты. Издатель этого текста в «Православном собеседнике» датирует его началом 1383 г. В этом письме Киприан сообщает своему адресату, что едет в Царьград. Поэтому, думается, у нас есть все основания относить и это письмо ко времени, близкому к событиям 1378 г., — к весне 1379 г., когда Киприан отправился в Царьград отстаивать свое право на московскую митрополию.¹³

Из второго послания Киприана видно, что он был хорошо осведомлен о событиях, происходивших в Москве, и в своих притязаниях на митрополичий стол надеялся на помощь русского духовенства, в первую очередь на поддержку Сергия, пользовавшегося огромным авторитетом не только среди церковников, но и у великого князя Московского. Е. Голубинский предполагает даже, что одновременно со своим первым посланием к Сергию и Федору Киприан на словах через своего посланника мог обратиться к Сергию с просьбой, чтобы он и другие церковники «агитировали» за него перед великим князем.¹⁴ Однако нелюбовь великого князя к Киприану и желание видеть митрополитом Митяя были столь велики, что не помог и авторитет Сергия. Как рассказывает сам Киприан во втором послании, Дмитрий Иванович не только не принял его, но с позором изгнал из Москвы.

Во всех перечисленных посланиях, начиная со второго, Киприан говорит о своем намерении ехать в Царьград, что он и осуществил весной 1379 г. Когда он был уже в Царьграде, туда прибыла свита Митяя. Находился в это время в Царьграде и архиепископ Суздальский Дионисий, бежавший в Царьград после ссоры с Митяем, вопреки запрету великого князя Московского.

¹¹ Там же, стр. 39.

¹² Все эти послания Киприана читаются в Кормчей XV в. (ГПБ, Соловецкое собрание № 858). Все они опубликованы: Православный собеседник, Казань, 1860, ч. 2, стр. 75—106.

¹³ Макарий. История русской церкви, т. IV, кн. 1, СПб., 1866, стр. 66.

¹⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 233.

После того как умер Митяй, сопровождавшие его духовные лица и бояре самовольно избрали из числа трех находившихся в свите архимандритов претендента в русские митрополиты. Выбор пал на Пими́на перяславского. На выданных великим князем Митяю чистых бумагах с великокняжеской подписью и печатью была составлена подложная грамота о том, что великий князь Московский желал бы видеть митрополитом всея Руси Пими́на. С помощью обильных даров и подкупов московскому посольству удалось добиться того, что в июне 1380 г. Пимин был рукоположен патриаршим собором в митрополиты всея Руси. Киприан этим же собором лишился звания митрополита всея Руси и назначался только митрополитом Литовским. Сразу же после этого собора Киприан тайно уехал в Киев. Когда великий князь Московский узнал о самовольном поставлении в русские митрополиты Пими́на, то страшно разгневался на него и послал в Киев симоновского игумена Федора звать в Москву на митрополичий стол Киприана. 23 мая 1381 г. Киприан прибыл в Москву и был торжественно встречен великим князем Московским. Однако на этом не закончилась борьба Киприана за митрополичий стол всея Руси.

В октябре 1382 г. Киприан был снова изгнан великим князем из Москвы за то, что во время Тохтамышева нашествия уехал из Москвы в Тверь. На место Киприана великий князь принял Пими́на, который по возвращении из Царьграда был заточен в Чухломе. Но Пимин очень недолго пользовался благорасположением Дмитрия Донского: уже через несколько месяцев после возвращения Пими́на в Москву великий князь Московский выдвинул нового кандидата на митрополичий стол — того самого Дионисия Суздальского, который когда-то воспрепятствовал поставлению на митрополию Митяя собором русских епископов. В середине 1383 г. Дионисий в сопровождении симоновского игумена Федора с княжескими грамотами отправился в Царьград добиваться русской митрополии. Получив рукоположение в митрополиты всея Руси от патриаршего собора, Дионисий поехал на Русь, но в Киеве был схвачен покровителем Киприана, киевским князем Владимиром Ольгердовичем, и заточен. Там он и умер 15 октября 1385 г. Однако и после того, как с арены борьбы за русскую митрополию сошел Дионисий — второй кандидат великого князя Московского, Киприан еще очень не скоро смог занять митрополичий стол, так как великий князь Московский по-прежнему не хотел признавать прав Киприана на русскую митрополию, а Пимин продолжал бороться за митрополичью кафедру. В феврале 1389 г. патриарший собор окончательно утвердил низложение Пими́на и постановил считать Киприана единственным законным митрополитом всея Руси. Возможно, что это определение ничего бы и не дало Киприану, ибо великий князь мог с ним и не посчитаться, а Пимин после решения этого собора отправился снова в Константинополь отстаивать свои права на митрополию, но 19 мая того же года скончался Дмитрий Иванович Донской, а вскоре умер и Пимин. В том же году, 1 октября, Киприан отправился из Царьграда на Русь, в феврале 1390 г. он прибыл в Киев, а в начале марта пришел в Москву, где был торжественно встречен сыном Дмитрия Донского великим князем Московским Василием Дмитриевичем.

С 1390 г. до 16 сентября 1407 г., по день своей смерти, Киприан возглавлял русскую церковь. Предшествующие Киприану митрополиты всея Руси, начиная с митрополита Петра, сыграли большую роль в деле объединения русских земель вокруг Москвы, проводя свою церковную политику в интересах великого князя Московского. Ряд исследователей отмечает, что позиция Киприана в вопросе взаимоотношения княжеской и церковной власти была иной. Вл. Вальденберг, например, писал: «Во всех

его (Киприана, — Л. Д.) произведениях замечается стремление к ограничению княжеской власти и к отделению церкви от государства; на защиту великого князя и на защиту Москвы он выступает только тогда, когда это оказывается для него положительно необходимо. Этому направлению его литературных работ не противоречит и его деятельность».¹⁵ На такой же точке зрения стоял и А. Е. Пресняков: «Его (Киприана, — Л. Д.) победа в этой борьбе (за митрополичий стол, — Л. Д.) получила особое значение в истории великорусского великого княжения, потому что Киприан с единством митрополии связал тенденцию к независимости всей церковно-политической деятельности митрополита от великокняжеской власти».¹⁶ А. Е. Пресняков считает, что с укреплением Киприана на митрополичьем столе «пришлось — на ряд долгих лет — отказаться от политической солидарности с митрополией, от ее мощных услуг; упущено из рук великого князя замещение митрополичьей кафедры желательным для светской власти кандидатом, оборвано развитие традиций митрополита Алексея, придавших митрополии, в значительной мере, характер великорусской государственной церкви».¹⁷ Такая же точка зрения наличествует и в более поздних, современных исторических работах, в частности в «Очерках истории СССР».¹⁸

Иначе оценивают значение Киприана в русской истории болгарские ученые, считая, что он сыграл положительную роль в деле объединения Русского государства вокруг Москвы.¹⁹ Из русских ученых подобную позицию занимал И. Жданов, который отмечал, что Киприану в своей церковной деятельности «приходилось считаться с задачами и стремлениями московского правительства, с вероисповедными, выдвигающимися движением русской государственной жизни».²⁰

Рассматривая вопрос о том, почему московские великие князья смогли закрепить местопребывание митрополита в Москве, и приводя мнение Пл. Соколова, предполагавшего, что московские князья предоставили митрополитам особо важные льготы по сравнению с другими княжествами, М. Н. Тихомиров добавляет: «Но дело было не только в одних льготах, предоставленных митрополиту, а в том, что московские князья обладали достаточной реальной силой, чтобы поддержать угодных для них кандидатов на митрополичий престол».²¹ Обстоятельства борьбы Киприана за русскую митрополию должны были наглядно показать ему эту реальную силу великих князей московских в делах митрополии. Киприан прекрасно понимал, что митрополитом всея Руси мог быть только митрополит, занимающий московскую кафедру. В своем втором послании к Сергию и Фе-

¹⁵ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира святого до конца XVII века. Пгр., 1916, стр. 147.

¹⁶ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пгр., 1920, стр. 359.

¹⁷ Там же, стр. 363.

¹⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 234.

¹⁹ См.: Петър Диневков. Стара българска литература, втора част. Държавно издателство «Наука и изкуство», София, 1953 (далее: Диневков), стр. 85—88; В. Сл. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956 (далее: Киселков), стр. 213—230; Иванов, стр. 25—79. И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961 (далее: Снегаров), стр. 260—269.

²⁰ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследование и материалы. СПб., 1895, стр. 105.

²¹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 183.

дору он всячески стремится подчеркнуть, что, будучи литовским митрополитом, он старался действовать в интересах великого князя Московского прежде всего.²² За время междоусобицы на русской митрополии Киприан не мог не убедиться в том, что без союза с великим князем Московским все его попытки возглавить русскую митрополию окажутся тщетными. Нельзя считать позицию Киприана в отношении к великокняжеской власти неизменной с самого начала и до конца; не подлежит сомнению, что со временем и взгляды его, и сама его позиция в этом вопросе претерпели существенные изменения. В своем основном литературном труде — «Житии митрополита Петра» Киприан подчеркивает могущество и величие Москвы, силу и значение великого князя Московского. Рисуя образ идеальных отношений между великим князем и святителем, он говорит об их полном духовном союзе, в котором главенствует святитель, но в свою очередь и святитель блюдет интересы своего князя: «И бяше убо веселие непрестанно посреди обоих духовное: князю убо во всем послушающу и честь велику подающе отцю своему Петру по господнему повелению, еже рече господь ко своим учеником: „Приемляй вас мене приемлет, а слушаа вас, мене слушаает“, святитель же паки толық прилежащу к сынови своему князю Ивану».²³ Отметим, что в «Очерках истории СССР» про житие митрополита Петра, написанное Киприаном, говорится следующее: «В памятниках житийного характера московские писатели выступали с определенными политическими тенденциями, отражавшими стремление церковников к союзу с великокняжеской властью. „Жития“ митрополита Петра и Алексея рисуют митрополитов в качестве сторонников политического усиления Москвы как великокняжеского центра».²⁴ В связи с вопросом о взаимоотношении митрополита и великого князя при Киприане следует вспомнить грамоту 1393 г. константинопольского патриарха Антония великому князю Московскому Василию Дмитриевичу.²⁵ В этой грамоте патриарх укорял великого князя за то, что он высказывает пренебрежение к патриарху и не воздает ему «той чести, какую воздавали (прежним патриархам) твои предки, великие князья».²⁶ В этой же грамоте патриарх возмущается тем, что великий князь Московский отменил церковное помяновение имен византийских императоров: «С огорчением слышу еще, что твоим благородием сказаны некоторые слова и о высочайшем и святом самодержце — царе. Говорят, ты не позволяешь митрополиту помянать божественное имя царя в диптихах, т. е. хочешь дела совершенно невозможного, и говоришь: „мы де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим“. Это нехорошо».²⁷ Ив. Жданов замечает по этому поводу: «Патриарх упрекал одного только князя, но нельзя, конечно, допустить, чтобы такая мера, как отмена помяновения царского имени, могла состояться без согласия митрополита».²⁸ Возможно, что митрополит не одобрял этого действия великого князя и, по всей видимости, именно он и известил об этом патриарха, но и в данном случае становится совершенно ясным, что уже в 1393 г. Киприан не посмел сам воспротивиться действиям великого князя, затрагивающим в какой-то степени его церковные дела, а вынужден был прибегать к помощи патриарха.

²² РИБ, т. VI, ч. 1. СПб., 1880, стр. 181—182.

²³ ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стлб. 1636.

²⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II, стр. 356.

²⁵ РИБ, т. VI, ч. 1. Приложения, стлб. 265—276.

²⁶ Там же, стлб. 270.

²⁷ Там же, стлб. 272.

²⁸ Ив. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 105—106.

Обосновавшись после 1390 г. в Москве, Киприан не порвал своих тесных связей и с Литовским княжеством: он несколько раз ездил в Литву, где встречался с великим князем Витовтом; дважды подолгу жил в Киеве (один раз полтора года, а другой — немногим менее двух лет). Без сомнения, здесь большую роль играли давние литовские симпатии Киприана, но в какой-то степени это отражало и литовскую политику великого князя Московского Василия Дмитриевича: в период его княжения русско-литовские отношения носили более дружественный характер, чем в предшествующий. Единство русской митрополии, в которую входили и литовские земли, имело исторически прогрессивное значение — идеологически объединяло западную Русь с восточной. В последней работе, посвященной Киприану, отмечается: «Едва ли можно считать Киприана сторонником пролитовской политики: патриархия скорее была заинтересована в сближении Литвы и Руси».²⁹

Думается поэтому, что из всего сказанного роль и значение митрополита Киприана в деле усиления Москвы, в деле сплочения Русского государства вокруг великого княжества Московского в целом могут быть охарактеризованы положительно. Во всяком случае вопрос этот требует обстоятельного объективного исследования.

Как в оценке церковно-политической деятельности Киприана, так и в оценке его как писателя существуют две диаметрально противоположные точки зрения: одни считают Киприана незаурядным древнерусским писателем, другие совершенно отрицают какие бы то ни было литературные заслуги этого митрополита. Постараемся разобраться в этом вопросе.

«Сказание вкратце о премудром Киприане» говорит, что митрополит любил часто бывать в своем митрополичьем селе Голенищеве (под Москвой), «иже бяше место бесплочно и безмятежно, безмолвно же и покойно от всякого смущения». Здесь он, помимо своих церковных дел, «книги своею рукою писаше и многия святыя книги со греческого языка на руський язык преложи и довольна списания к пользе нам остави и великаго чудотворца Петра митрополита всеа Руси, житие написа и похвалами украси».³⁰ О книжности и высокой образованности Киприана свидетельствует и летописный рассказ о его смерти: «Сей Киприан митрополит, родом сербин, всякого любомудриа и разума божественаго исполнь и велми книжен и духовен зело, и добродетельным житием подвизася и учением и наказанием наслажаше всех».³¹ Об огромных литературных трудах Киприана сообщает в своей истории В. Н. Татищев, приписывая ему заслуги во всех областях древнерусской письменности: «Книги своею рукою писаша, яко в наставление душевное переписа соборы бывшие в Руси, много житий святых русских и степени великих князей русских, иные же в наставление плотское, яко правды и суды, и летопись русскую от начала земли русския вся по ряду, и многи книги к тому собрав повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончати, яже и соблюдох».³² Эта характеристика принадлежит самому В. Н. Татищеву, а не является отражением какого-то неизвестного нам летописного сведения о Киприане.³³ Но за ней

²⁹ Снегаров, стр. 262.

³⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 440—441.

³¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 194.

³² В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. IV. М., 1784, стр. 424.

³³ Очень подробно на анализе этой татищевской характеристики Киприана останавливается Н. Глубоковский в исследовании «Св. Киприан, митрополит всеа России (1374—1406 гг.), как писатель» (ЧОДП. М., 1892, кн. 1, январь, стр. 358—

лежит действительно разносторонняя деятельность Киприана в области древнерусской письменности. Как отмечает последний исследователь «Истории Российской» Татищева С. Л. Пештич, «выводы современной науки истории летописания полностью подтверждают заключение Татищева о деятельности Киприана. М. Д. Приселков в „Истории русского летописания“ обосновал тезис о первом общерусском митрополитом в свод 1408 г., задуманном Киприаном, но выполненном после его смерти. Татищев как историк выдающегося ума высказал правильное предположение о роли Киприана в истории русского летописания».³⁴

Итак, на основе летописных сведений о Киприане, дошедших до нас рукописей, данных истории русского летописания мы можем отметить такие области книжно-литературной деятельности Киприана, переписывание рукописей, переводческая работа, служебно-деловая переписка, участие в летописании и оригинальные сочинения.

До нашего времени сохранилось несколько рукописей церковного характера, написанных рукой Киприана. Это «Лествица Иоанна Лествичника», переписанная Киприаном в 1387 г. в Студийском монастыре, во время его длительного пребывания в Константинополе перед окончательным возвращением на митрополицию кафедру всея Руси. На 1-м чистом листе этой рукописи читаются следующие записи, сделанные почерком XVIII в.: «Лествица Иоанна Лествичника Киприана горы Синайския»; «Писана Киприаном митрополитом, и его собственною ж рукою на конце подписана»: «Сия рукопись есть древнейшая из тех, которая писаны на бумаге». На обороте последнего исписанного листа рукописи (л. 279 об.) через небольшой интервал после окончания текста записи: «В лето 6895 апреля 24 съврѣшился сия книги в Студийской обители Киприаном смиренным митрополитом кыевским и всея Росия».³⁵ Рукопись писана аккуратным полууставным почерком. Видимо, Киприан переписывал ее долго, не горюпась.

Также руке Киприана принадлежит список сочинений Дионисия Ареопагита (Псевдодионисий).³⁶ О том, что эта рукопись была написана Киприаном, собственной его записи нет, но этот факт установлен путем сличения почерка этой рукописи с почерком киприановской «Лествицы». На 1-м листе почерком XVIII в. внизу листа написано: «Дионисий Ареопагит, Сочинения Дионисия Ареопагита на славянския языкъ переведенны Исаем Сербянином в 1417 г. Но здесь текст с толкованием. Письмо — почерк м-та Киприана. След. едва ли это не особый перевод — самого Киприана, сделанный им в Константиноп.». Леонид в своем описании замечает, что эта рукопись «письма митрополита Киприана (за исключением 3—15 лл.), как показывает сличение почерка со Лествицею, его ж.с письма».³⁷ Почерк этой рукописи похож на почерк «Лествицы», бесспорно написанной Киприаном, но есть и некоторое различие: почерк «Лествицы» более прямой,

424) и приходит к заключению о принадлежности ее вымыслу Татищева (см. стр. 358—386).

³⁴ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1. Изд. Ленинградского университета, 1961, стр. 247.

³⁵ ГБЛ, собр. МДА, № 152 (в описании Леонида: вып. 2, отд. III, № 29); новый шифр: ф. 173, Фунд. библ., № 152; см.: Леонид арх. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887, вып. 2 (далее: Леонид), стр. 127.

³⁶ ГБЛ, собр. МДА, № 144 (в описании Леонида: вып. 2, отд. III, № 1); новый шифр: Ф. 173, Фунд. библ., № 144.

³⁷ Леонид, стр. 32.

более тщательный, почерк «Дионисия Ареопагита» мельче почерка «Лествицы», более округлый и с незначительным наклоном вправо. Очевидно, это различие объясняется тем, что рукописи, хотя и писались одним и тем же человеком, делались в разное время и вторая рукопись писалась более быстро, чем первая.

Киприановский список сочинений Псевдодионисия является не его переводом, а списком с перевода на болгарский язык Исаяи,³⁸ толкования же Киприана сделаны на полях рукописи в виде глосс. В этих глоссах, как отмечает А. И. Клибанов, Киприан «комментирует Ареопагита в сочувственном духе».³⁹ Некоторые глоссы носят комментаторско-разъяснительный характер. Так, например, к слову «афинствует» Киприан дает такое примечание: «Афинствует — глаголет афинскы хитрописце моисеевому» (л. 6); к слову «илектрон»: «Илектрон есть камы(н) от великих камен тако именуем и светел зело сущ» (л. 7 об.); к болгарскому слову «скутовати»: «скутовати, рекше покрывати» (л. 65 об.). Как замечает А. И. Клибанов, последняя из перечисленных глосс свидетельствует о том, что они «рассчитаны именно на русского читателя» и сделаны самим Киприаном, а не восходят к переводу Исаяи, с которого Киприан делал свой список.⁴⁰

Третья рукопись, написанная Киприаном, — список Псалтири с воследованием.⁴¹ Рукопись на 410 листах, писана полууставом, переходящим в скоропись. На л. 2 об. наклеена полоска бумаги с надписью: «Живоначальныя Троици». На л. 3 об. такая же наклейка, но более широкая, с продолжением записи: «Псалтырь митрополичя Киприанова писма; без игуменсково благословения не давати ея никому инших монастыреи постриженником». Запись эта сделана скорописью не ранее XVI в. На лл. 4 и 5 по нижнему полю уже подреставрированной рукописи надпись скорописью, сделанная киноварью: «Сиа книга Троецкая Сергиева монастыря, а писмо Кипреана». Почерк этой рукописи значительно отличается от того, каким написаны «Лествица» и «Дионисий Ареопагит». Общее в почерке этой рукописи с почерком двух других имеется, но Псалтырь писана очень небрежно, быстрым письмом, отчего, по всей видимости, и отличается от двух других. Почерк неравномерен даже в самой рукописи: в одних местах более тщательный и аккуратный, чем в других.

Подробный анализ Псалтири Киприана был сделан исследователем литургической деятельности Киприана И. Мансветовым.⁴² Наибольший интерес в этой Псалтири представляет то, что Киприан включил в Синаксарь несколько имен славянских святых: Петки (Параскевы), Иоанна Рыльского, Илариона Мегленского, Арсения Сербского, Саввы Сербского, Симеона Сербского. Кроме того, Киприан внес в Синаксарь и русского святого — митрополита Петра. Под 21 декабря мы читаем: «В тѣи же день преставися всесвященный архиепископ богоспасенаго града Киева и всея Руси Петр митрополит в лето 6834. Пас церковь божию лет 18 и 6 месяць . . . Тропарь Петру митрополиту. Глас 8. Благопожив в мире житие чисто, просветив учением вселенную, святительства прием паству,

³⁸ Иванов, стр. 51.

³⁹ А. И. Клибанов. Реформационное движение в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, стр. 326.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ГБЛ, собр. МДА, № 142 (в описании Леонида: вып. 2, отд. VI, № 5, стр. 306); новый шифр: Ф. 173, Фунд. библ., № 142.

⁴² И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882, стр. 66—100.

апостолом наследниче, тем прием дар чюден от бога. Отче Петре, моли Христа бога да спасеть душа наша» (л. 220 об.). И Мансветов пишет по поводу этого места из Псалтири Киприана: «Внесение имени Петра митрополита принадлежит без сомнения Киприану, который, как известно, отличался особенным уважением к памяти московского святителя, написал ему службу и занес его имя в молитву литургии». ⁴³ Таким образом, Псалтирь Киприана знакомила русских людей с именами святых, почитаемыми в Болгарии и Сербии. Включение в Синаксарь имени Петра ставило первого московского святого в один ряд со святыми, чтимыми вселенской православной церковью, что возвеличивало роль и значение Москвы во всей русской земле.

С именем Киприана связывается также один служебник — пергаменная рукопись XIV в. из Синодального собрания ГИМ (601). Однако это не рукопись Киприана, а, по всей видимости, список с недошедшего до нас Служебника Киприана, так как почерк этой рукописи не похож на почерк Киприана. ⁴⁴ По нижнему полю рукописи с л. 40 по л. 59 более поздним почерком, чем писан весь текст, сделана такая запись: «Служебник Киприана митрополита московскаго и всеа России. Писан его рукою з греческаго переводу в лета 6905 году. А преставися в лета 6914 году. По сему служебнику сам служил Киприан митрополит». На л. 72—72 об. тем же почерком, каким написана и вся рукопись, сделана следующая запись: «Сии служебник преписан (sic!) от грецких книг на русский язык рукою своею Киприан смиренный митрополит кыевьскы и всея Руси. Елици же преписуете и поучаетеся сими книгами, ли божественую и безкровную жертву господеву приносящеи священници и сими книгами молитвы молящеся, поминайте наше смирение, яко да и вы тому же поминанию сподоблени будете. Аще ли же кто восхоцет сия книги преписывати сматря и не приложити или отложити едино некое слово или тычку едину или крючкы, иже суть под строками в рядах, ниже пременити слогну некоторую, или приложити от обычных, их же перее привык, или паки отложити ни в дьяконьствах, ниже в възгашениих ни в молитвах, но с великим вниманием прочитати, учити или преписывати. Яко да не от небрежения в грех впадете, занеже еже от небрежения впасти в грех горшии есть, неже еже от невидения бываемаго». На л. 132 об. в конце статьи имеется запись: «съписание сему от гречьскихъ книгъ смиренным митрополитомъ киевьскимъ и всея Руси Кипреянном».

Древние биографы Киприана, как мы могли убедиться, говорили о его большой переводческой деятельности. Об этом же свидетельствуют и записи из киприановского служебника, который мы только что охарактеризовали. Список «Лествицы» Киприана и киприановская Псалтирь также могли быть его собственными переводами с греческого. Однако уже митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» (т. V, кн. II, стр. 18—19) замечал, что переводы, приписываемые Киприану, могли быть и не переводами, а списками, сделанными Киприаном с уже готовых переводов. Этот вопрос был обстоятельно рассмотрен Йорданом Ивановым. Сопоставляя киприановские Псалтирь, Лествицу и Служебник с соответствующими им по времени болгарскими переводами этих текстов, он доказывает, что Киприан не переводил эти тексты с греческого, а переписывал.

⁴³ Там же, стр. 73

⁴⁴ См.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, Отд. III. Книги богослужебные, ч. I. М., 1869, стр. 11.

сывал уже имевшиеся болгарские переводы.⁴⁵ По-видимому, именно этим и объясняется обвинение Нилом Курлятевым Киприана в том, что он будто бы очень плохо знал русский и греческий языки. «А Киприан митрополит по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же», — писал Нил Курлятев в предисловии к переводу Псалтири, сделанному с греческого языка в 1552 г. Максимом Греком. Курлятев имел в виду церковно-служебные тексты, считавшиеся переведенными на русский язык Киприаном и скорее всего киприановскую Псалтирь, которая является отнюдь не его переводом с греческого на русский, а, как это доказал И. Иванов, списком с Псалтири болгарского извода царя Ивана Александра 1337 г. Разумеется, Киприан хорошо знал греческий язык (напомним, что он был синкелом при константинопольском патриархе и немало времени в общей сложности прожил в Константинополе) и, как мы убедимся далее, хорошо владел русским языком,⁴⁶ но специально переводами с греческого языка на русский не занимался.

Весьма значительную роль сыграл Киприан в истории русского летописания. Он был инициатором московского летописного свода 1409 г. Составляться этот свод начал при митрополите Киприане, но закончен был уже после его смерти. Д. С. Лихачев так характеризует это мероприятие Киприана: «Киприан соединил в своих руках управление русской церковью во всех русских областях, в том числе и в тех, которые находились в составе Литвы. Поэтому в выполненном по его инициативе своде он стремился воплотить беспристрастное отношение к борьбе русских княжеств между собой и с Литвой. Для составления своего свода Киприан собрал с различных концов Руси местные летописи, действуя для этого через подчиненные ему церковные организации. К своду были привлечены новгородская летопись, рязанская, смоленская, тверская, нижегородская и предшествующая московская летопись — Летописец великий русский. Кроме того, в свод Киприана впервые были включены известия по истории Литвы, поскольку и в ней находились русские земли, подчиненные в церковном отношении Киприану. Все эти местные летописи подверглись в своде Киприана лишь незначительной обработке. Составители свода сохранили обвинения новгородской летописи против тверичей, предшествующей московской летописи против новгородцев и суздальцев и т. д. Московская летопись намеренно сталкивает областные интересы, чтобы тем удобнее восхвалить политику московских князей — потомков Ивана Калиты».⁴⁷

Конечно, свод Киприана составлялся и писался не им самим, но, вероятно, какое-то редакторское вмешательство с его стороны, общее руководство этой работой на ее начальном этапе имело место. Возможно непосредственное влияние Киприана сказалось на тех статьях летописи, где речь шла о нем самом.

В ряде летописей под 1376 г. читается статья о поставлении Киприана в митрополиты, при этом рассказывается о том, что он послал сообщение о своем поставлении в Новгород, но получил ответ, что новгородцы при-

⁴⁵ Иванов, стр. 37—67.

⁴⁶ См.: Амфилохий. Справедлив ли упрек монаха Нила Курлятевых в том, что митрополит Киприан по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтири? — Труды IV Археологического съезда в России, т. II. Казань, 1891, Отд. 6, стр. 1—6.

⁴⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 296—297. Наиболее подробно вопрос о Киприане и своде 1409 г. был впервые рассмотрен М. Д. Приселковым. (История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 128—140).

знают его митрополитом только тогда, когда это сделает великий князь Московский (Московский летописный свод XV в., Новгородская 1-я, Софийская 1-я, Типографская, Львовская; в Никоновской летописи, очень много внимания уделяющей Киприану и прославляющей его, сообщается, что Киприан пришел на Русь, но не был принят великим князем, сказавшим ему: «...есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишия на живого митрополита?»); в Троицкой летописи и Симеоновской, в которых отразился свод 1409 г., под этим годом упоминалось только о поставлении Киприана в митрополиты, но ничего не сообщалось о его попытках занять митрополичий стол при жизни Алексея.⁴⁸ Лишь в своде 1409 г. в рассказе о приходе в 1381 г. Киприана в Москву говорится: «И бысть в тот день у князя великаго пир велик на митрополита, и радувахуся светло» (стр. 421). Под 1382 г. в летописях рассказывается, что после Тохтамышева нахождения великий князь разгневался на митрополита за то, что он не остался во время осады в Москве, а уехал в Тверь, что явилось причиной удаления Киприана из Москвы в Киев (Воскресенская, Софийская 1-я, Типографская, Летописный свод XV в.). В своде 1409 г. также сообщается о том, что в 1382 г. Киприан уехал в Киев, но ни слова не говорится о гневе на митрополита великого князя. Только в своде 1409 г. и в Никоновской летописи очень подробно описывается приход Киприана на Москву в 1390 г. и подчеркивается радость по поводу этого события князя, бояр, всего народа и духовенства. В остальных летописях сведения о приходе на Москву Киприана гораздо короче.

Под 1391 г. в летописях помещается рассказ о посещении Новгорода митрополитом Киприаном, потребовавшим у новгородцев судебных пошлин, на что они ответили отказом. В своде 1409 г. рассуждение о непокорности новгородцев подкрепляется рядом цитат из книг божественного писания, затем сразу же говорится о море в Новгороде, что опять-таки цитатой из церковно-нравоучительного текста связывается со всем рассказом: «якоже рече пророк: аще не покорятя людие, ни послушают стража, рекше учителя, кровь их на главах их, а страж душу свою избавил есть от муки, таким людям поведи и рече бог». Это сообщение свода 1409 г. явно полемизирует с рассказом об этом событии, читающимся в Новгородской летописи. В Новгородской 4-й летописи, в статье о посещении Новгорода Киприаном, мы читаем такую фразу: «Вшед (Киприан, — Л. Д.) в святую Софею, с всем своим сбором, литургию сверши, и по литургии выиде из олтаря митрополит, взем честный крест въздвизалный, и възиде на амбон, и нача учити люди новгородския велегласно в всю церковь; они же слышаша словеса его и приша себе в сердце». ⁴⁹ В своде 1409 г. этому отрывку соответствует: «И нача пети божественную литургию в святой Софеи, и по отпетьи святыя службы взем честный крест и вшед на амбон, нача учити люди новгородстии. Они же не приша и затыкающ и уши свои, и же не слышати гласа обовающаго от премудра обавника обаваема».

Исследователи уже обращали внимание на то, что в повествовании об осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г. в составе Троицкой и Симеоновской летописей (т. е. в списках, отразивших свод 1409 г.) явно обнаруживается литовская тенденция автора: главную роль в защите города, по этому рассказу, играет литовский князь Остей. Эта тенденция объяснялась инициативой Киприана в составлении того свода, в котором читается данный

⁴⁸ Свод 1409 г. цит. по: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁴⁹ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 98

рассказ.⁵⁰ Однако киприановская редакция в этом рассказе с еще большей силой проявилась в другом. В повести о Тохтамышевом нахождении по своду 1409 г. ни слова не говорится о пребывании Киприана в Москве во время осады города, когда ему с большим трудом и позором удалось бежать из осажденной Москвы в Тверь. Если мы вспомним, что именно за это великий князь разгневался на митрополита, то характеристика поведения великого князя Московского во время нашествия Тохтамыша, в версии свода 1409 г., также может объясняться только редакцией Киприана. В этом своде о Дмитрии Донском говорится, что он «то слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднял руки, противу царя Тохтамыша, но поеха в свои град на Кострому». В других редакциях повести о нашествии Тохтамыша сообщается, что великий князь, узнав о походе на Москву татар, стал готовиться на борьбу с ними, но из-за несогласия остальных князей, из-за «оскудения воинства» после Мамаева побоища не смог организовать сопротивления врагу и вынужден был уехать в Кострому. Разумеется, концепция повести о Тохтамыше свода 1409 г. обусловлена не тем, что этот свод создавался в церковных кругах, а личными счетами Киприана с Дмитрием Донским. В рассказе свода 1409 г. о бегстве великого князя в Кострому явно ощущается скрытый выпад Киприана против Дмитрия Донского: великий князь осуждал митрополита за его бегство из осажденной Москвы, но сам тоже бежал от врага. Если в рассказе свода 1409 г. о посещении Киприаном Новгорода трудно предполагать непосредственное вмешательство Киприана, то в данном случае едва ли кто-нибудь, кроме самого Киприана, был заинтересован в столь явном выпаде против Дмитрия Донского.

Все сказанное дает основание предполагать, что Киприан не только был инициатором составления свода 1409 г., но на каком-то этапе работы над этим сводом, возможно, вносил в него собственные статьи, делал в нем редакторские поправки и изменения. Для того чтобы более определенно ответить на этот вопрос, необходимо специально рассмотреть свод 1409 г. с точки зрения участия в нем митрополита Киприана.

Остановимся теперь на оригинальных произведениях Киприана. Кроме «Жития митрополита Петра», произведения бесспорно литературного, Киприану принадлежат послания и поучения, которые расценивались и рассматривались преимущественно как исторические документы или с точки зрения церковно-религиозного содержания. Однако анализ стилистики этих сочинений Киприана даст возможность сделать некоторые заключения о писательской деятельности Киприана. И. Снегаров так характеризует этот род сочинений Киприана: «Эти послания по содержанию носят церковно-административный характер, но по форме они являются литературными произведениями, родственными сочинениям такого видного представителя тырновской литературной школы, как патриарх Евфимий».⁵¹

Все послания и поучения Киприана могут быть разделены на три группы: послания делового характера по церковно-религиозным вопросам; послания личного характера, представляющие собой, по существу, памятки эпистолярного стиля конца XIV—начала XV в.; поучения Киприана

⁵⁰ В. Л. Комарович. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. Летописание. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1946, стр. 194.

⁵¹ Снегаров, стр. 265.

по литургическим вопросам, обращенные либо к одному какому-нибудь конкретному лицу, либо к пастве.

Послания делового, официального характера едва ли можно рассматривать как тексты, написанные Киприаном. Скорее всего они писались в митрополичьей канцелярии и лишь подписывались митрополитом. Все они по языку и стилю очень похожи друг на друга, а по своему оформлению и терминологии близки к деловым документам той эпохи. Все они начинаются одной стереотипной фразой: «Се яз Киприан, митрополит киевский и всея Руси», заканчиваются благословением и одинаковой формулой о месте и времени написания документа: «А дана грамота на Москве (в Великом Новгороде) месяца . . . в . . . день в лето. . .».⁵² Тексты этих грамот пестрят юридическими штампами, перечислениями церковных должностей, ссылками на канонические уставления, например: «. . . да еже, что потягло к которой митрополю, или к епископы: монастыреве, игумены с черньци, попы, дяконы и всяк церковный человек, то вси под властью, в послушаньи святителю».⁵³ В некоторых киприановских грамотах встречаются тексты, передающие прошение челобитчика или рассказ опрошенного лица. Так, например, в грамоте 1404 г. вдове Феодосье на усыновление приемыша мы читаем просьбу вдовы, ярко и образно передающую ее нужды.⁵⁴ Еще более живой и непосредственный рассказ читается в грамоте Киприана Константиновскому монастырю.⁵⁵ Но и эти тексты ничего не дают для характеристики языка и стиля самого Киприана, так как это воспроизведение речей третьего лица в том виде, как они были написаны или произнесены, что являлось обычным для древнерусского делопроизводства.

Значительно больший интерес представляют послания Киприана личного характера. В эту группу входят четыре послания Киприана, связанные с его борьбой за кафедру митрополита всея Руси, которые в целом были уже рассмотрены ранее. На анализе второго послания мы остановимся несколько дальше, сейчас мы рассмотрим первое, третье и четвертое послания Киприана.

Эти три послания Киприана невелики по объему. Для них характерен простой, почти разговорный язык, минимальное цитирование церковно-канонических текстов. Фразы короткие, нет сложных синтаксических конструкций: «Буди же вам сведомо: приехал есмь в Любутеск, в четверк, месяца иуния 3 день. А еду к сыну к своему ко князю к великому на Москву» (первое послание); «А хто нас не възхотели, познають истину. А яз без измены еду ко Царюгороду. А пред собою вести послал же есмь» (третье послание); «А мне борзо быти у вас из Царягорода. А лживаго человека и льстиваго бог объявить. Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово въздаси богови. . . Отпиши же ми ко мне, да ти ми сведомо, как еси. А господь бог да съблюдет вас неврежены» (четвертое послание).

В этих посланиях ярко выражено настроение их автора, его душевные переживания, связанные с теми конкретными событиями, которые стоят за этими письмами. Первое послание, отправленное Киприаном с дороги в Москву, когда он предчувствовал неприятную встречу с великим князем Московским, дышит смирением и тревогой: «Иду же, якоже иногда

⁵² См.: РИБ, т. VI, ч. 1, №№ 26—31, стлб. 229—244.

⁵³ Грамота 1392 г. в Новгород. — РИБ, т. VI, ч. 1, стлб. 229.

⁵⁴ Там же, стлб. 241—242.

⁵⁵ ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 6—7.

Иосиф от отца послан к своей братии, мир и благословение нося. Аще неции о мне инако свещаютъ, аз же святитель есмь, а не ратный человек». Третье послание, написанное через четыре месяца после обиды, нанесенной митрополиту великим князем, проникнуто христианским смирением и убежденностью в своей правоте: «Яз бо славы не ишу, ни богатства, но митрополию свою, юже ми есть предала святая божия великая церкви, а смирения и соединения церковнаго желаю и христианьскаго». Четвертое послание Киприана отличается наиболее сильным личным чувством. По всей видимости, это письмо было написано Киприаном к человеку, более близкому чем Сергий и Федор, так как в нем проскальзывает чувство горести и усталости автора от той борьбы, которую ему приходится вести за митрополичий стол, звучат ноты неуверенности: «Буди ти сведомо, сыну: еду к Царюгороду коньми на Волошьскую землю. Мне не хотелось от своих детии нигде не бывати, да что взяти! Хто мене в труд путный вложил в сее время? Господь бог пак да подасть ему познати истину».

Послания Киприана едва ли можно характеризовать как литературные произведения, но нельзя и согласиться с В. С. Киселковым, отметившим что «особенно бедны язык и стиль посланий Киприана».⁵⁶ Несправедливость такого определения нагляднее всего обнаружится при анализе второго послания. Это личные письма, адресованные одному, двум адресатам, поэтому они написаны простым, повседневным языком. Послания свидетельствуют о том, что уже в 1378 г. Киприан достаточно хорошо владел русским языком, что для его индивидуальной обыденной речи церковнославянизмы и сложные синтаксические обороты не были характерны.

Второе послание Киприана примыкает к первому, третьему и четвертому по времени написания и по тематике, а также сближается с ними и ярким проявлением личных настроений и переживаний автора. Но вместе с тем оно и резко отличается от тех посланий. Хотя второе послание адресовано только Сергию и Федору, но это уже не частное письмо и рассчитано на широкий круг читателей. Об этом свидетельствуют не только общий характер и стиль послания, но и его заключительные слова: «хто покусится сию грамоту сжещи или затаити», тот будет проклят.

Во втором послании, написанном в июне 1378 г., Киприан подробно рассказывает Сергию и Федору о том, что было сделано с ним по приказанию великого князя, когда он приехал в Москву. Большая часть послания посвящена обоснованию Киприаном своих прав на митрополию всея Руси и обличению незаконности притязаний на митрополичий стол Митяя — это центральная, основная часть произведения.

Стараясь как можно убедительнее доказать свою правоту, Киприан пользуется обильными цитатами из церковно-канонических текстов, приводя все положения, которые свидетельствуют о незаконности действий Митяя, согласно правилам церкви: «Не весте ли, что пишеть святых апостол правило 76? Глаголет сице: яко не подобает. . .»; «Послушайте же и тлькования сего правила, что глаголеть. . .»; «Котории бо яже сътяжаша имена во своего епископства времени, не имуть власти оставляти имже хотят, но токмо яже от наследия сродников прибывша им, яко же 32 правило иже в Картагене събора рече. . .»; «И 23 правило антиохийскаго събора тако глаголеть. . .»; «Смотри же и святых апостол правила 29, что глаголеть. . .»; «О томь же глаголеть и 30-е правило тех же святых апостол. . .» и т. п.

Это послание написано Киприаном с большим пафосом и по стилю в целом скорее походит на ораторское произведение, чем на письменное

⁵⁶ Киселков, стр. 228.

послание, хотя сам Киприан называет его грамотой. Это своего рода обвинительная и вместе с тем защитительная речь. Если в рассмотренных трех посланиях Киприана преобладает мотив смирения и кротости, то во втором послании этих настроений не ощущается: Киприан обвиняет великого князя, предаёт проклятию всех «елици причастни» его «иманию и запиранию, и бещестию и хулению», осуждает Сергия и Федора за то, что они не вступились за него, и страстно защищает свое право на митрополию. Все это обусловило стилистические особенности рассматриваемого послания.

Киприан часто ставит риторические вопросы, вводит риторические восклицания, что придает эмоциональную приподнятость всему тексту: «Тако ли не обретесе никто же на Москве, добра похотети души князя великого и всей отчине его? Все ли уклонишася и непотребне быша?»; «Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мире и живете единому богу, како толику злобу видив, умолчали есте? Аще хоцете добра души князя великого и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари не стыдяся: аще быша вас послушали, добро бы, аще быша вас убили, и вы святи!»; «А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исполнено, еже творить: садиться в святемь олtare на наместном месте! Веруйте, братия, яко лучши бы ему не родитися».

Стремясь подчеркнуть что-либо, желая остановить внимание читателя на какой-нибудь мысли, Киприан достигает этого путем подбора синонимических рядов, перечислением грамматически однородных определений, раскрывающих разные стороны того или иного явления, действия: «А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исплнено, еже творит»; «Яз божим изволением и избранием великаго и святаго сбора, и благословением и ставлением вселеньскаго патриарха»; «Елици причастни суть моему иманию и запиранию, и бещестию, и хулению» и т. п.

Повторения одних и тех же слов в стоящих рядом предложениях, в том числе и анафорические, встречающиеся в рассматриваемом послании, придают ему своеобразную ритмичность: «Яз к нему ехал есмь благословити его, и княгиню его, и дети его, и бояр его, и всю отчину его»; «Церкви святыа ставил есмь, христианство утвердил есмь, места церковная, запустошена давными леты, оправил есмь»; «Брату нашему, Олексеви митрополиту, не волно было слати ни в Волынскую землю, ни в Литовскую владыку которого или звати, и ли дозрети которое дело церковное, и ли поучити, и ли посварити на кого, и ли казнити вину ватаго, и ли владыку, и ли архимандрита, и ли игумена, и ли князя поучити, и ли боярина».

Эти приемы определили яркую риторичность второго послания, которая, однако, не является самоцелью; приемы риторики используются Киприаном умеренно и искусно. Риторичность здесь служит большей выразительности текста, подчеркивает публицистическую направленность этого послания. Необходимо отметить, что когда Киприан говорит о конкретных вопросах — о расправе, учиненной над ним в Москве, о своих деяниях в Литве, — то язык его прост, ясен, пестрит бытовыми выражениями, синтаксические конструкции несложны: «Он же пристави над мною мучителя, проклятаго Никифора. И которое зло остави, еже не сдея над мною? Хулы, и наругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго, и от тоя ночи студени и нынеча стражу. Слуги же моя, над многим злым, что над ними здеали, отпуская их на клячах либвых, без седел, во обротех лычных, из города вывели ограбленных и

до сорочки, и до ножев, и до ногавиц, и сапогов и киверев не оставили на них!»; «Новый-Городок литовский давно отпал, и яз его отправил, и десятину доспел к митрополии же, и села. В Волинской же земли такоже колько лет стояла володимерьская епископия без владыки, запустошала? и яз владыку поставил и места исправил» и т. п.

Помимо личных жалоб на несправедливые обиды, рассчитанных на эмоциональное воздействие на слушателя и читателя, помимо обоснования многочисленными доводами из канонических текстов своего права на митрополию, Киприан немало места уделяет самовосхвалению, подчеркивая, что он сделал много полезного для русской церкви и государства. Такое построение второго послания рассчитано на то, чтобы произвести большое впечатление на читателя, кем бы он ни был: на простого человека оно могло воздействовать красочным описанием невзгод, перенесенных митрополитом; на духовенство большое впечатление должна была произвести эрудированность митрополита в вопросах церковно-канонических установлений; наконец, на великого князя, а Киприан явно рассчитывал на то, что его послание может быть прочитано и им, оно должно было повлиять подчеркиванием заслуг митрополита перед Русским государством, доброжелательности митрополита к великому князю Московскому.

Исходя из данных второго послания Киприана, мы имеем все основания считать это послание не только ценным историческим источником, но и литературным памятником, написанным незаурядным писателем, искусно пользовавшимся изобразительными средствами русского языка, умело употреблявшим риторические приемы. Второе послание Киприана предшествовало таким замечательным памятникам этого жанра древнерусской литературы, как Послание Вассиана Рыло на Угру, послания Иосифа Волоцкого, послания Ивана Грозного.

До нас дошло несколько поучений и наставлений Киприана по литургическим вопросам. К этому роду его произведений относятся: Поучение новгородскому духовенству о церковных службах 1395 г., Наставление псковскому духовенству о совершении различных священнодействий и Ответы игумену Афанасию Высоцкому.

Во всех этих произведениях Киприан выступает не только как высший иерарх русской церкви, знаток литургических правил, но и как наставник и учитель. Поэтому поучения Киприана, проникнутые мотивами личных переживаний, представляют для нас не только исторический интерес, но и как произведения, могущие охарактеризовать литературную деятельность Киприана.

Почуения Киприана в тех частях, где он указывает, как нужно поступать и что делать в том или ином случае конкретной церковно-религиозной практики, отличаются отсутствием риторичности, лексической и синтаксической простотой. В большинстве своем это весьма краткие статьи: «А церкви несть второго свещения никаковаго, кроме яже престол святей попортится. Тогда и свещение надобе, тогда и всякаа порядня изнова надобна»; «Про кумовство. Что детя крестити куму с кумою — несть того. Неслично двема крестити, ни мюжю с чужею женою, ни с своею женою, но одному годится крестити, или от мужьскаго полу или от женьскаго» (из Поучения новгородскому духовенству);⁵⁷ «А мужи бы к святому причастью во волотах не приходили, но снимали бы волоты. А на ком пригодится опашень или шуба, и они бы припоясывали» (из Настав-

⁵⁷ РИБ, т. VI, ч. I, стлб. 235—238.

ления псковскому духовенству);⁵⁸ «Мирянину попу не годится стричи в черньци: иже бо сам не имеет, како может иному дати?»; «Аще ли же буря крест сломить с церкви, dospети ии поставити»; «Скимнику же всегда на себе скиму носити и куколь, и никогда же кроме сих не быти» и т. п. (из Послания Афанасию).⁵⁹

Те же места в поучениях Киприана, где он обращается к более общим вопросам, приобретают риторическую окраску. Язык и стиль их значительно сложнее. Особенно сильно это проявляется в заключительной части Послания к Афанасию, когда Киприан останавливается на морали и нравственном поведении человека, говорит о приближающемся конце мира. Киприан в этой части Послания к Афанасию обильно цитирует святоотеческую литературу, речь его становится более торжественной и пышной, он широко пользуется художественно-риторическими приемами: «Оскуде бо добродетель, любовь преста, простота духовная отбеже, зависть же и лукавство и ненависть водворися, ухищрения же и высокоумна исполнихомся»; «Лют недуг душевный зависть: многа убийства завистью съдеяшася в миру и многы страны запустеша; завистию бо подвижем Каин, братоубийство створи, и оттоле убийство в мир вниде; зависти ради Иаков отчего дому отбегает и в работу Лаве предается, идеже 14 лет пребысть служба; завистию подгнешаеми браться Иосифова, продають его в Египеть, идеже господь прослави его и Египту всему царя сътвори того. И что ми многа глаголати? Самого господя, творца небу и земли, завистию жидове распяша его».⁶⁰

В поучениях многие ответы даются Киприаном как перечисление правил церковно-монастырского устройства. Последовательность и самый выбор этих правил в большинстве своем обусловлены тем, что такие вопросы и в таком порядке были заданы Киприану, так как никакой логической и тематической связи между ними нет. Но иногда Киприан повторяет поставленный вопрос, а затем уже дает на него ответ: «Что мя есте въпросили о службах Великого Василия, буди же вам ведомо»; «А что мя есте въпросили, аже коли диакон не пригодится, а надобе»; «А что въпрошаеете пети ли „Святый боже“ в олтари»; «А что ми въпрошаеете про ростриги, и яз дивлюся сему. Всякий христианин ведает се» (из Поучения новгородскому духовенству). «Како убо погрести священника мирянина? въпрошаеши. Мирянина священника погрести сице»; «О святем же причасти въпрошаеете: в посты великия, или в иныя посты, всегда ли даати им причастие, или ни? И се ти буди ведомо»; «Ты же въпрошаеши мя о селе, о нем же ти князь в монастырь дал есть, како или что сотворити? Слыши же от мене ответ и прими мой совет» и т. д. (из Послания игумену Афанасию).

Повторение вопросов приближает стиль поучений к разговорному, что придает им своеобразную простоту и доступность. Вместе с тем чередование ответов без вопросов с ответами, перед которыми повторены вопросы, подчеркивает значимость одних ответов по сравнению с другими.

Н. Глубоковский, посвятивший специальный труд Киприану как писателю и пришедший к заключению, что заслуги Киприана как писателя «умалются до минимума», тем не менее о Послании Киприана к Афанасию вынужден был сказать: «...к числу лучших сторон этого труда мы должны отнести искренность и задушевность тона, ясность и изобразительность языка вместе с последовательностью в развитии взятых поло-

⁵⁸ Там же, стлб. 239—242.

⁵⁹ Там же, стлб. 243—270.

⁶⁰ Там же, стлб. 267—268.

жений. Послание написано весьма вразумительно, без излишней многоречивости и дышит неподдельным увлечением». ⁶¹

Существует предположение, что на послания Киприана повлияли послания Евфимия Тырновского. В литературном наследии болгарского патриарха послания занимают видное место. Одно из посланий было написано Евфимием Киприану, когда он был еще афонским монахом, в ответ на некоторые вопросы Киприана по церковно-монастырскому обиходу. Однако едва ли у нас есть основания считать, что послания Евфимия Тырновского служили образцом для посланий Киприана.

Как уже отмечалось, для посланий Киприана в целом характерны простота языка и стиля, близость к диалогу, конкретность. Совершенно иначе выглядят послания Евфимия: они отличаются риторичностью, построены по строго выдержанному плану. Конкретной части послания — ответам на поставленные вопросы или наставлениям — у Евфимия предшествует обширное вступление, в котором он рассуждает на общеполитические, моральные темы, говорит о той радости, которую он испытывает в душе, отвечая на обращенные к нему вопросы. Евфимий подробно воспроизводит в своих посланиях адресованные ему вопросы, отделяя в каждом случае ответы от вопросов специальными заголовками — «вопрос», «ответ». Достаточно сравнить начало некоторых посланий Евфимия Тырновского с началом Послания Киприана к Афанасию, чтобы убедиться в том, что по своему литературному характеру это совершенно различные произведения. «Зело насъ обрадоваль еси своимъ писаниемъ и вещьший любви вспалиль еси пламень. Душе бо боголюбвны таково дело по реченному: „Скончаша се очи мои в слово твое, глаголющи, когда утетиши ме“? Утешение бо души еже от словесъ полза есть» (начало Послания к Киприану); «Веселиа духовнаго подаде еси намъ вину, священнейший, своимъ писаниемъ. Не мѣнее бо възрадовахомъ се, известно отъ нихъ навѣкъ еже о Христе правую любовь и православное ти мудрование. Есть бо се добродетели знамение, еже испитовати писания по божьствому гласу и, елико по силе, подеати тыщание (начало Послания к Никодиму). ⁶² «Въпросил еси нашего смирения, о Христе възлюбленный сыну, о своемъ бо спасении и пребывании, или како в келии подвижитися, и како братию поучевати и ко спасенному пути приводити, или паки приходящихъ на ползу чернцевъ же и мирянъ испрошати о ползе. Но убо о тебе и о твоёмъ монастыри и о твоихъ братьяхъ послѣде напишемъ, понеже ныне время не податно; (но) по вопросу твоихъ послѣднихъ и ответы дамы тебе, възлюбленному сыну моему» (начало Послания Киприана Афанасию). ⁶³

В какой-то мере к поучениям примыкает известная Прощальная грамота Киприана, написанная им незадолго до смерти и прочитанная над его гробом ростовским архиепископом Григорием. Грамота эта обычно помещается в конце летописного рассказа о смерти Киприана. ⁶⁴

Летописец отмечает, что когда читалась эта грамота Киприана, «тогда многи от предстоящихъ на слезы подвиже». ⁶⁵ Прощальная грамота была, по-видимому, написана Киприаном под воздействием существовавшего в греческих монастырях обычая, согласно которому игумены — основатели

⁶¹ Н. Г [Л у б о к о в с к и й]. Св. Киприан, митрополит всея России (1374—1406 гг.), как писатель, стр. 410.

⁶² Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Nach den Besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki. Wien, 1901 (далее: Сочинения Евфимия Тырновского), стр. 205 и 225.

⁶³ РИБ, т. VI, ч. I, стлб. 243—245

⁶⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 195—197.

⁶⁵ Там же, стр. 152.

монастыря перед смертью писали завещание, становившееся своеобразным первоначальным монастырским уставом.⁶⁶

Грамота эта написана Киприаном в строгом, спокойном тоне, и, несмотря на торжественность и важность момента, для которого она писалась, в ней отсутствуют элементы риторичности. Киприан прощает и благословляет всех, в том числе и своих врагов: «Аще кто будетъ пороптал на мя, или паки явно въстал, от епископскаго сану, или от иночскаго, еще же и священническаго, или кто и от мирских совокупился будетъ с ними, и елицы от них познашася и, пришедше ко мне, исповедаша и приаша прощение и разрешение, прощени суть и благословени от того часа, и да не вменит им господь в грех, но да отпустит им».⁶⁷ В конце грамоты Киприан вспоминает перипетии своей жизни: «Елицы же возлюбиша нас и помиловаша нас господа ради в нуждах наших, и в трудных хожений наших, и в путех, и в различных землях, христоименитии людие, велможи, бояре, мужи и жены, да будут и ти прощени и благословени и помиловани от бога человеколюбца, да воздасть им господь по сердцу их».⁶⁸

По всей видимости, эта грамота Киприана была продиктована им, так как в некоторых списках в конце говорится: «А писана грамота сиа у Трех святителей, месяца Септевриа в 12 день, индикта в 15, а не подписал есмь немощи ради своея».⁶⁹

Прощальная грамота Киприана произвела большое впечатление не только на современников, но пользовалась славой и в будущем: по ее образцу последующие митрополиты также стали писать прощальные грамоты. Так, уже под 1431 г. летописец сообщал: «Того же лета преставися митрополит Фотей, июля 1 и положен на Москве в църкви святыя Богородицы честнаго ея Успения. Написа такоже грамоту преже преставления к богу, чюдну, по образу прежде сего бывшаго Киприана митрополита».⁷⁰

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению основного литературного труда митрополита Киприана — «Жития митрополита Петра», — кратко остановимся еще на одной области книжно-литературной деятельности Киприана — на его церковно-служебных сочинениях. Авторству Киприана принадлежит несколько текстов молитв, о чем сообщают оглавления статей в некоторых церковно-служебных сборниках: «Молитва разрешити умершаго всякаго христианина. Творение господина Киприана митрополита, а писано в Луцте над гробом княжим Димитриевым»;⁷¹ «Благословение и прислание митрополита Киприана, молитва глаголемая во отвержение и по освящении църкви, в ней же случится умрети человеку нужною какою ли убо смертию»;⁷² «Канон молебен к господу нашему Иисусу Христу во уособных бранех иноплеменным. Творение святейшаго патриарха Филофея, потружение же Кипреяна митрополита Киевскаго и всея Руси» и «Канон ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистой Богородице, певаем о гобзине плода и за бездождие. Творение смиреннаго митрополита всея

⁶⁶ См.: Ф. Лилленфельд. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 85—86.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 196.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 197.

⁷⁰ Софийская 2-я летопись. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 144.

⁷¹ Требник XVI в. ГИМ, Синод. собр., № 378 (по прежнему каталогу № 898), лл. 430—433.

⁷² Служебник и Требник XVI—XVII вв. ГБЛ, ф. 304, Троице-Сергиева лавра, № 227, лл. 48 об.—49.

Русии Кипреяна». ⁷³ Имеются еще некоторые молитвы, связываемые с именем Киприана. Киприану принадлежит и «Служба» митрополиту Петру. До нас дошло большое число списков этой «Службы» в рукописях разного времени, начиная с XV в., что свидетельствует о ее большой популярности в церковном обиходе. ⁷⁴

Киприановская «Служба» митрополиту Петру написана в традициях церковно-служебных песнопений и преимущественно представляет собой повторение общих мест — похвал святому. Однако отдельные части этой «Службы» дают яркое представление об отношении Киприана к Петру, помогают понять взгляды Киприана на роль и значение Москвы и великого князя Московского в жизни всей русской земли. Слова в церковной службе о покровительстве общерусского святого Петра, причисленного к лику вселенских святых, Москве и великому князю Московскому наряду со всей русской землей подчеркивали главенствующее положение Москвы среди остальных русских княжеств, поднимали престиж великого князя Московского. Необходимо отметить, что через всю «Службу» Петру красной нитью проходит призыв к этому святому защитить Москву от нашествия поганых. Это свидетельствует о том, что «Служба», по всей видимости, писалась Киприаном во время какой-то опасности для Москвы. Наиболее вероятно, что составление этой «Службы» относится к 1395 г., когда Москве угрожало нашествие Темир-Аксака и когда предпринимались энергичные меры для борьбы с ним, в том числе и религиозного характера: перенесение в Москву из Владимира иконы Владимирской божьей матери. Таким образом, эта «Служба» Петру является не только церковно-служебным текстом, но и памятником, отразившим определенные исторические события, имевшие важное значение в судьбах Москвы и Московского княжества. Войдя в церковный обиход, эта «Служба» должна была способствовать прославлению и возвеличению Москвы и великого князя Московского.

Теперь нам остается рассмотреть основное литературное произведение Киприана — «Житие митрополита Петра».

Этому произведению Киприана предшествовало более раннее «Житие» Петра, обычно приписываемое авторству епископа ростовского Прохора. В последнее время В. А. Кучкин на основании изучения дошедших до нас списков этого «Жития» Петра пришел к заключению, что «прохоровская» редакция «Жития» Петра была написана каким-то неизвестным москвичом в середине 1327 г. ⁷⁵ В дальнейшем это «Житие» митрополита Петра мы будем называть первоначальным житием Петра.

«Житие митрополита Петра», написанное Киприаном, неоднократно рассматривалось и в общих курсах литературы, и в исследованиях, посвященных древнерусской агиографии, и в работах по истории русской церкви.

Наиболее подробно на анализе киприановского жития Петра и на характеристике отношения этого жития к первоначальному остановился В. О. Ключевский, считающий киприановскую редакцию жития Петра

⁷³ Каноник XVII в. ГБЛ, ф. 304, Троице-Сергиева лавра, № 284, лл. 90 об. и 97 об.

⁷⁴ См.: П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 166; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 450. Мы пользовались текстом «Службы» из Каноника с прибавлениями по списку XVI в. из Троицкого собрания (ГБЛ, ф. 304, Троице-Сергиева лавра, № 265, лл. 93 об.—121 об.).

⁷⁵ В. А. Кучкин. «Сказание о смерти митрополита Петра». — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 59—79.

первым образцом нового агиобиографического стиля в северной Руси.⁷⁶ Первоначальное житие Петра «служило программой для книжного Сербца, по которой он подробнее и другим литературным стилем, но совершенно в том же порядке рассказывает события».⁷⁷ Первоначальное житие Петра было переработано Киприаном в двух направлениях: Киприан внес ряд новых фактов в биографию святого и подверг первоначальную редакцию литературной переделке. «В киприановской биографии впервые на севере является искусственный стиль житий в полном развитии (разрядка наша, — Л. Д.), со всеми своими особенностями... рассказ начат витиеватым предисловием, обильно украшен вводными рассуждениями и закончен кратким, но столь же красноречивым похвальным словом святому. Это предисловие, похвальное слово и многоречивые нефактические отступления, прерывающие рассказ, стали образцами для позднейших писателей житий, которые заимствовали у Киприана не только их литературную форму, но и мысли, в них высказанные».⁷⁸ Вместе с тем В. О. Ключевский отмечает, что «впрочем не одно литературное похваление святого предшественника имел в виду Киприан, составляя его биографию; в появлении последней участвовали и некоторые практические побуждения: она была ответом на многие тревожные вопросы времени, силу которых не раз пришлось почувствовать самому автору».⁷⁹

Многоречивость, витиеватость и риторизм киприановского жития Петра отмечал также митрополит Макарий. Первоначальное житие Петра «драгоценно, как сказание о великом святителе современника и очевидца, и резко отличается от другого жития того же угодника, составленного митрополитом Киприаном. Сколькo последнее растянуто, многоречиво и витиевато (разрядка наша, — Л. Д.), столько первое кратко, просто и безыскусственно».⁸⁰

На такой же точке зрения стоял и Н. Глубоковский, давший резко отрицательную характеристику киприановского жития Петра по сравнению с первоначальным. «Киприан есть родоначальник новой агиобиографии на русском севере, выдающимися представителями которой являются Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. Житие Киприана послужило соблазнительным примером для других повествователей и окончательно убило в них историческое чутье»;⁸¹ «Нам нет нужды произносить свое собственное суждение о достоинствах рассмотренной биографии св. Петра; их явно обозначил уже летописец, сказав, что Киприан Житие великого чудотворца „похвалами украси“. Древний повествователь, конечно, употребил это выражение в благоприятном для Киприана смысле, но нам оно говорит только о недостатках произведения — пышно многословии и холодной риторике, устранивших живую историю и произведших пустые места там, где должен бы стоять факт».⁸²

Иной точки зрения держался Е. Голубинский, отметивший, что хотя киприановское житие и представляет собой «ораторскую или литературную обработку существовавшего прежде жития» с немногочисленными добавлениями фактического характера, тем не менее обработка эта была очень незначительной: «Современные Киприану писатели сербские, к школе ко-

⁷⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 82—88.

⁷⁷ Там же, стр. 83.

⁷⁸ Там же, стр. 84—85.

⁷⁹ Там же, стр. 85.

⁸⁰ Макарий. История русской церкви, т. V, кн. II, стр. 177.

⁸¹ Н. Глубоковский]. Св. Киприан, митрополит всея России (1374—1406 гг.), как писатель, стр. 419

⁸² Там же, стр. 423—424.

торых он принадлежал, отличались необыкновенным ораторским многословием и успевали составлять весьма пространные жития и при отсутствии фактического материала. Этого сербского многословия, которое не заключает в себе ничего хорошего, но которое принималось за нечто очень хорошее, в житии киприановом вовсе нет, хотя и мог бы найтись для него материал».⁸³

С. А. Бугославский считает киприановское житие Петра одним из ранних образцов нового агиографического неославянского стиля, проводниками которого на Руси были, по его мнению, Киприан, Григорий Цамблак и Пахомий Логофет. Однако он отмечает, что «забывая о традициях официального житийного стиля и о необходимости писать цветисто, Киприан, переходя к самому себе, пишет неожиданно по-деловому просто». С. А. Бугославский подчеркивает сильную злободневную политическую тенденцию этого жития и, закончив его рассмотрение, дает ему такую общую характеристику: «Новая редакция жития митрополита Петра задумана и осуществлена Киприаном не с целью внедрения нового риторического стиля, который был для него лишь средством, а как своеобразно прикрытое агиографической формой полемическое сочинение».⁸⁴

Краткую характеристику киприановского «Жития митрополита Петра» дает Б. Ст. Ангелов в вводной статье к публикации текста этого жития: «Житие (Петра, написанное Киприаном, — Л. Д.) иллюстрирует большое писательское дарование его автора, который искусно построил свое произведение, отличающееся плавностью повествования и стиля. В какой-то степени это произведение Киприана испытало на себе влияние риторических приемов современной ему византийской агиографии. Но увлечение Киприана этими приемами не столь сильно: он стоит на более жизненных позициях, реалистичнее раскрывает действительность, используя существующие предания о Петре. Сам Киприан хорошо объяснил мотивы, которые побудили его написать это произведение: знаменитый русский священноначальник не должен оставаться без прославления, достойного его».⁸⁵

Для того чтобы составить представление об особенностях «Жития митрополита Петра», написанного Киприаном, и решить вопрос о его месте и значении в развитии древнерусской литературы, необходимо рассмотреть его в сопоставлении с первоначальным житием Петра. Мы проведем этот сравнительный анализ по всему тексту, что даст не только материал для наших суждений и выводов о литературной деятельности Киприана, но и позволит читателю составить достаточно полное представление о киприановском «Житии митрополита Петра» без публикации текста жития.⁸⁶

Первоначальное житие начинается со слов о рождении святого. В киприановском житии этим сведениям предпослано очень небольшое по объему авторское вступление. Оно открывается цитатами из «Премудростей» и «Притч» Соломона о праведниках, которым подобает творить похвалу, «занеже праведным подобает похвала». Киприан говорит, что его

⁸³ Е. Голубинский. История русской церкви, стр. 353.

⁸⁴ История русской литературы, т. II. Литература 1220-х—1580-х годов. Часть первая. М.—Л., 1945, стр. 235.

⁸⁵ Боноу Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература София, 1958, стр. 161.

⁸⁶ Имеющиеся издания киприановского жития Петра вполне удовлетворяют современным научным требованиям, см.: Книга Степенная царского родословия. — ПСРЛ, т. XXI, первая половина, стр. 321—332; ВМЧ, декабрь, дни 18—23, стлб. 1620—1646; Боноу Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература, стр. 159—176. Первоначальная редакция «Жития митрополита Петра» опубликована Макарием в приложении к его «Истории русской церкви» (т. IV, кн. 1, стр. 308—312). При цитировании текстов мы пользовались изданием Великих Четий Миней и публикацией Макария.

«Житие Петра» — похвала этому «священноначальнику», так как будет «неправедно» «такового святителя венець не украшен некако оставити». Он размышляет о том, что ему давно хотелось «малое некое похваление принести святителю», но он из-за своей «немощи» удерживался от этого, однако за «тяжьчайшее въмених» отказаться совсем от написания «Жития Петра» Киприан, возложив надежду на бога и на помощь святого, «по делом выше меры наша приахся». Свое право написать похвалу святому Петру Киприан как бы оправдывает тем, что является его наследником: «на сего ми месте стоящю, и на его гроб зрящю, и того же ми престола наследствовавшю, его же он преже лет остави и к небесным обителем преиде».

Как уже говорилось, характеризуя киприановское житие Петра как новый образец северорусского житийного произведения, написанного в искусственно-риторическом стиле, В. О. Ключевский первым признаком этого нового стиля назвал витиеватое риторическое предисловие к житию. Отметим, что для памятников русской агиографии более раннего периода также было свойственно предисловие, в котором автор говорит о задачах своего труда, предается размышлениям на общеполитические религиозные темы, подчеркивает свое литературное бессилие и просит помощи у бога и того святого, которому он посвящает свое произведение. Такого рода предисловие встречается уже в «Чтении о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», в «Житии» Феодосия и в житии, более близком и по времени и географически к северорусским житиям XIV в., — в «Житии» Авраамия смоленского. Таким образом, едва ли можно говорить о том, что киприановское житие Петра в этом отношении явилось новым образцом, которому стали потом следовать все агиографы.

В обоих житиях, написанных Нестором, и в «Житии» Авраамия смоленского, написанном Ефремом, авторы в предисловии обращаются к богу и просят у него помощи в предстоящем труде. Предисловие к «Житию» Бориса и Глеба Нестор начинает так: «Владыко господи, вседержителю, створивый небо и землю и вся яже на ней, ты и ныне сы, Владыко, призи на смирение мое и подай же разум сердцю моему, да съповедь оканьный аз всем послушающим жития и мучения святу страстотерпцю Бориса и Глеба. Но, о владыко, веси грубость и неразумие сердца моего, но надеюся твоему милосердию и молитвы ради святою мученику Бориса и Глеба. Елико слышах от нех (неких) христолюбец, то да исповеде, нъ да послушайте, братие, не зазрите грубости моеи».⁸⁷ Близко к этому предисловию и предисловие Нестора к «Житию» Феодосия, но в нем больше автобиографических элементов: «Благодарю тя, владыко мои, господи Исусе Христе, яко сподобил мя еси недостоинаго съповедателя быти святым твоим въгодником. Се бо испрва писавъшю ми о житии и о убиении и о чудесех святою и блаженою страстотерпцю Бориса и Глеба, понудихъся и на другое исповедание приити, еже выше е моя силы ему же и не бех достоин — груб сы и неразумичен, к сим же яко и не бех учен никоеи же хитрости, нъ въспомнях, господи, слово твое, рекъшее: „Аще имате веру, яко и зърно горущьно, и речете горе сеи — преиди и въвръзися в море, и абие послушаетъ вас“. Си на уме аз грешьныи, Нестер, приим и оградивъся верою и упованиемъ, яко вся възможьна от тебе суть, начатъкъ слову съписания положих, еже о житии преподобнаго отца нашего Феодосия, бывъша игумена монастыря сего. . . въспоминающю ми житие преподобнаго, не сущу же съписану ни от кого же, печалию по вся дни съдръжим бех и моляхъся богу, да сподобить мя вся по ряду

⁸⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916, стр. 1.

съписати о житии богоноснаго отца нашего Феодосия, да и по нас сущи черноризци приемше писание, почитающе ти видяще мужа доблесть, възхвалять бога».⁸⁸ Такого же характера и предисловие Ефрема к «Житию» Авраамия смоленского. Ефрем рассказывает здесь, почему он решился взяться за жизнеописание святого, заявляет о своей «грубости» и «невежестве» и просит помощи у бога: «И се преже написания молю ти ся, господи Исусе Христе сыне божии, молитвами пресвятыя и пречистыя девы матере и всех небесных сил и всех святых молбами, и даи же ми разум просвещен божиею благодатью, подаждь мне худому и грешнейшу паче всех светлыи подвиг жития и терпения начати, еже о житьи блаженнаго Авраамия бывшаго игумена монастыря сего святыя Владычица наша Богородица, его же день уснениа ныне празднующи память чтем. Се же, братия, воспоминающу житие преподобнаго и не сущу написану, печалью по вся дни обдержим бых и моляхся богу: „Господи, сподоби мя вся по ряду писати о житьи богоноснаго отца нашего Авраамия“, да и по нас сущи черноризци, приемше наказание и почитающе ти видеша мужа доблесть, възхвалять бога и, угодника его прославляюще, и на прочии подвиг укрепляться».⁸⁹

Киприановское предисловие к житию Петра по общему содержанию близко к рассмотренным предисловиям. Однако между ними имеется и некоторое существенное различие. Киприан в своем предисловии много говорит о том, что святому полагается похвала, достойная этого святого, т. е. Киприан одной из основных задач своего труда считает достойное святого стилистическое оформление жития; иными словами, он думает о литературной стороне предпринимаемого им труда. И в этом отношении Киприан близок к Евфимию Тырновскому, который также в предисловиях к своим житиям пишет о необходимости възхвалять святого, подразумевая под этим литературное оформление жития: «Аще убо любовный обыче законь, еже любвзных памяти поминати и тех съзьрцовати образы и деаниа же и глаголы, множицею же и техъ подобиа живописовати, много, паче множае ключимо будеть и зело желателно боголюбзнымь, еже божиих угодникъ чьстне почитати и тех памети и деаниа на ползу повествовати» (начало евфимиевского «Жития Петки»);⁹⁰ «Что бо ино будеть блажайшее или похвалнейше душа оны, иже себе възседушно богови възложившия и того заповедемь последующия? Сего ради похвале сподоблюют ся мудрыя оны девы, яже, възсе презревше, светилники душевныя уготоваша к женихову сретениу» (из предисловия к евфимиевскому «Житию Филофеи»);⁹¹

Мысль о необходимости достойного словесного украшения житийных произведений была новой для русской агиографии, однако едва ли сам Киприан считал, что это должно заключаться в чрезмерной словесной изощренности и пышной риторичности. Во всяком случае стиль его предисловия к «Житию» Петра и, как мы убедимся далее, всего жития далек от эмоционально-возвышенной риторики. Разумеется, и у Киприана в предисловии к житию имеются элементы риторичности и условности, присутствующие житийным вступлениям. Однако предисловие Киприана к «Житию» Петра и от предисловий к более ранним русским житиям, и от евфимиев-

⁸⁸ Житие Феодосия, игумена печерьскаго, съписание Нестора. По харатейному списку XII-го века московского Успенского собора, с разнословиями по многим другим. — ЧОИДР. М., 1858, кн. 3, отд. III, стр. 1.

⁸⁹ Жития преподобнаго Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 1—2.

⁹⁰ Сочинения Евфимия Тырновского, стр. 59.

⁹¹ Там же, стр. 78.

ских предисловий отличается гораздо большей краткостью, большей ясностью и, наконец, носит более конкретный характер. Как мы смогли убедиться, имя Петра все время представляло для Киприана большой интерес, и в силу объективных и субъективных причин он действительно считал его великим русским святым, поэтому, говоря о необходимости украсить память этого святого достойной его похвалой, он не столько употреблял общее место, сколько совершенно искренне декларировал поставленную перед собой задачу при написании нового жития Петра.

В соответствии с традицией Киприан пишет во вступлении о своем невежестве и недостаточности своего мастерства, которое необходимо для достойного описания жизни такого святого, как Петр, но самоуничтожение Киприана не звучит чересчур подчеркнуто и преувеличенно; кроме того, тут же Киприан упоминает о том, что он занял престол восхваляемого им праведника. Отмечая последнее обстоятельство, Киприан уже в предисловии к житию говорит не только о Петре, но и о самом себе, подчеркивая тем самым свою связь с этим знаменитым русским святым.

После предисловия Киприан сообщает о рождении святого. Это место в киприановском житии очень близко к тексту первоначального жития.

Первоначальное житие

Сей святой Петр митрополит родился от родителю крестьяну, отца Федора, матери же благоверныя суца.

Киприановское житие

Сей убо блаженный Петр родился от христиану и благоговенну родителю (в Степенной книге после «родителю» вставлено «отца именем Феодора и матери также благоверны суци»).

Киприан добавляет сведения о месте рождения Петра: «во едином от мест земля Волинския».

Как в первоначальном житии, так и в киприановском, после слов о рождении святого рассказывается о видении матери Петра: когда она еще носила сына в утробе, ей привиделся агнец с цветущим деревом на лбу. Сюжетно рассказ этот ничем не отличается в обоих житиях, но у Киприана он развит дополнительными деталями и толкованиями. В первоначальном житии кратко рассказывается только сам факт. Киприан перед этим эпизодом вставляет такую фразу: «Прилучижеся нечто сицево и прежде рождения его, еже не достойть молчанню предати»; он точно обозначает время, когда это произошло — «во едину от нощи, и светяущи дневи недели», более красочно описывает само видение.

Первоначальное житие

агнец. . . имущи на рогу своею древо, различный цвет имуща.

Киприановское житие

посреди же рогу его древо благолиственно израстьше, и многими цветы же и плоды обложено, и посреде ветвей его многы свеща светящих, и благоуханна исходяща.

Киприан добавляет толкование этому видению: «И возбудившася мати его, недоумеашеся: что се, или что конецъ таковому видению; обаче аще и она не домышляшеся, но конецъ последи со удивлением яви, еликими дарми угодника своего бог обогати».

Затем в обоих житиях рассказывается об учении святого. В первоначальном житии говорится только о том, что, когда Петру исполнилось 7 лет, его отдали учиться грамоте и «вскоре навыче всей мудрости». Киприан развивает и усложняет этот эпизод: сначала у Петра учение идет «не спешно», «но косно и всячески не прилежно». К Петру «яко во сне» является муж «во святительских одеждах» и прикасается рукой к его

языку, после чего он все «малым проучениемъ изучаше и яко и в мале времени всех съверстник своих превзыде и предвари».

В 12 лет Петр уходит в монастырь. В первоначальном житии об этом говорится кратко («иде в монастырь и бысть мних»). У Киприана гораздо подробнее: «Иде к предажащей тамо пустыни во един от манастырей, и от тамо сущаго игумена постригается, и к братии причитается и со отъятием убо власным, и паки всяко мудрование соотрезуеть плотское, и бывает съвершен во всем послушник, духовному отцю своему последуя». Почти в одинаковых выражениях в обоих житиях говорится о трудолюбии Петра, который служит в монастырской поварне, куда носит «на раму своем» воду и дрова. Только в киприановском житии подробно описывается духовное прилежание святого в монастыре: «Ниже се остави правило, еже по звону церковному первому обретатися в церкви в ношних и дневных правилах, и по скончании последи же всех исходяй, но и стоящу ему в церкви с благоговением, послушающу божественаго писания со всяким прилежанием. Николиже восклонися к стене, ни на десно, ни на шуе, ни (с) своим братом проглагола в церкви. И лета убо доволна в таком устроении проводи, день от днии поучаяся, якоже некоею лестницею восхождения в сердце полагааше, по Лествичнику указанию и слову. Всегда убо наставника во всем послушай, братиямъ без лености служа, не яко человеком, но яко самому богу, и всем образ бываше благ к добродетелному житию, смирением и кротостию и молчанием. По времени же и дьяконское служение приемлетъ разсужением наставничим. Потом же и пръвиторскому сану сподобися». Далее, как в первоначальном, так и в киприановском житии рассказывается о любви Петра к иконному писанию, в чем он достигает большого мастерства. Фактические сведения об иконописных занятиях Петра сообщаются Киприаном в сходных выражениях с соответствующим местом первоначального жития, но затем Киприан дает развернутую характеристику внутреннего, духовного содержания иконописных трудов будущего митрополита.

Какие же можно сделать выводы из сравнительного анализа рассмотренной части «Жития митрополита Петра» в первоначальной и киприановской редакциях?

Киприан в развитии сюжета, в последовательности фактов строго следует первоначальному житию. Можем ли мы сказать, что все дополнения и усложнения в тексте киприановского жития по сравнению с первоначальным носят характер чисто литературных, риторических вводных рассуждений, что они лишь засоряют и с литературной, и с исторической точки зрения более простой, строгий и краткий первоначальный текст? Думается, что нет. По существу, во всей первой части жития единственным искусственно-литературным добавлением у Киприана является рассказ об учении мальчика Петра, все же остальное обусловлено или логикой внутреннего содержания первоначального текста, как бы раскрываемого Киприаном, либо иными задачами, поставленными Киприаном перед собой при написании этого произведения.

Первое добавление — сведение о том, что Петр родился в Волини, — носит исторический характер. Но это не просто добавление какого-то нового факта ради самого факта, для Киприана оно имеет принципиально важное значение: Киприан потом сообщит, что Петра на поставление в митрополиты отправил волынскій князь, поэтому ему с самого начала необходимо было сказать о связи Петра с Волинской землей, но главное даже и не в этом. Как мы уже видели, во вступлении к житию Киприан связывает себя с митрополитом Петром; как мы убедимся далее, этот мотив красной нитью проходит через все произведение. Подчеркивая волин-

ское происхождение Петра, его тесную связь с Волынкой землей, Киприан как бы хочет показать, что общепризнанный патрон Москвы пришел на русскую митрополию, в Москву, из западной Руси, откуда, как мы знаем, пришел в Москву и Киприан после смерти Алексея.

Добавления, вставленные Киприаном в рассказ о видении матери Петра, подчеркивают значимость и необычайность этого события и как бы растолковывают символическое значение предзнаменования. Когда Киприан расскажет о поставлении Петра в митрополиты, то он напомним об этом видении матери святого. Таким образом, в данном эпизоде Киприан не просто украшает и усложняет рассказ, а делает это для того, чтобы подчеркнуть его значимость и связать со смыслом всего повествования.

Также не простым риторическим распространением является подробная характеристика образцовой монашеской жизни Петра в монастыре. Для Киприана это не общее место, это не простая дань житийному штампу. В своем Послании к игумену Афанасию он много внимания уделяет правилам монастырской жизни, требуя соблюдения монахами всех положений монастырского общежития. И повествуя о жизни митрополита Петра, он как бы на живом примере показывает соблюдение тех требований, которые он предъявлял к монахам в своих поучениях. Заслуживает внимания такая фраза из рассказа о монастырской жизни Петра: «По в р е м е н и же и дьяконское служение приемень разсужением наставничим. Потом же и прозвитерскому сану сподобися». Сообщая о создании Петром своего монастыря, Киприан скажет о том, что «достояше таковому человеку не прежде проити вся степени, и потом на учительском седалищи посадитися». Эти положения Киприана невольно напоминают то место в летописной повести о Митяе, где говорится: «И сице до обеда бысть поп мирской, таже инок, а по обеде архимандрит; иже до обеда прииде поп мирской и пострижесе по иноческий чин, а по обеде начяльник и пастырь и учитель».⁹² Не подлежит никакому сомнению, что, рассказывая, как Петр проходил все степени монастырских чинов, прежде чем достиг своего высокого сана, Киприан имел при этом в виду историю с Митяем, и для человека того времени, хорошо осведомленного в перипетиях борьбы вокруг кафедры русского митрополита, эти слова звучали явным упреком Митяю и тем, кто хотел видеть его митрополитом.

Уместным представляется нам рассуждение Киприана об иконописных трудах святого. Для Киприана, как для верховного иерарха русской церкви, вопросы, связанные с церковно-религиозным обиходом, имели важное практическое значение, и рассуждение об иконном писании для него не риторический пассаж, а действительно жизненное размышление. Замечательно в этом отношении тонкое и яркое сравнение, сделанное Киприаном при характеристике иконописных трудов Петра: «Обычай бо есть во многих сей, яко егда любимаго лице помянуть, абие от любве ко слезам обращается: сице и сей божественный святитель творяше, от сих шаровных образов к первообразным ум свой возвожаше».

Из рассмотренного материала мы видим, что дополнения Киприана не выходят за пределы фактических данных биографии описываемого им святого. Они как бы детализируют, раскрывают и отчасти украшают эти факты. Дополнения эти в какой-то мере являются восхвалением, воздаваемым Киприаном праведной жизни святого, но вместе с тем они несут в себе и значительную долю конкретных сведений и фактов, которые если и не имели места на самом деле, однако вполне могли бы быть. Интересно

⁹² ПСРЛ, т. XI, стр. 37.

сопоставить в этом отношении «Житие Петра» с житиями Евфимия Тирновского, в которых обязательным элементом является рассказ о пустынножительстве святого, о демонологических искушениях и о плотском самоистязании. У Евфимия эти описания носят фантастический характер, насыщены риторичностью, являются предлогом для размышлений автора по вопросам богословско-исихастского характера.

После рассказа об иконописных трудах Петра в обоих житиях повествуется о создании Петром собственного монастыря на реке Рате. В первоначальном житии это сообщение кратко и лаконично, но уже и здесь автор, говоря о всеобщей известности описываемого им святого, употребляет обязательное почти для каждого жития метафорическое сравнение: «Не утай бо бог таковаго светильника, якоже бо евангелист глаголет: Не может град укрытися верху горы стояй, ни вжег светильника покрыть съсудом». У Киприана этот эпизод дополнен рядом подробностей. Он начинает свой рассказ о ратском монастыре с того, что Петр уходит из первой обители «благословениемъ и повелениемъ наставника своего». Эти слова прямо перекликаются с положениями о правилах монастырской жизни, перечисляемыми Киприаном в Послании Афанасию, где он много говорит о том, что инок не может уходить из монастыря без благословения своего наставника. Краткое сообщение первоначального жития о построении церкви во имя Спаса и о создании монастыря Киприан развивает и дополняет: «И исходить убо от обители, и обходить округь места она пустыннаа, и обретаеъ место безмолвно на реце, нарецаема Рата (Рата), и ту жилище себе водружаеъ, и труды многы подъемлетъ, и болезни к болезнемъ прилагает, и поты проливаетъ, и церковь воздвизает во имя Спаса нашего Исуса Христа, и келии воставляет в пребывание приходящей к нему братии. И в мале времени собрася к нему не мало число братии, и сей убо блаженны печашеся о их спасении, яко отецъ чадолюбивъ, и не точию словом учаше сих, но и деломъ большее наказаше тех».

После этого Киприан подробно описывает нищелюбие Петра, подтверждая цитатами из евангельских текстов необходимость давать щедрую милостыню. Эти распространения в значительной степени носят литературный характер, это то украшение, которого, по мнению Киприана, не доставало в имевшемся житии святого. Однако это украшение нельзя назвать ни слишком витиеватым, ни слишком многоречивым, оно сделано уместно, искусно и для современного читателя вполне конкретно, так как за обобщенными словесно-литературными образами, характеризующими труды святого по созданию своего монастыря, стояли действительные исторические факты. Кроме того, для Киприана описание монастырских трудов и обычаев, в частности нищелюбия и милостыни, имело и практически-наравоучительное значение, а не являлось только общим местом.

Так же как и автор первоначального жития, Киприан приводит метафору-сравнение: «не может бо град укрытися». Но если в первоначальном житии после этой фразы идут слова о том, что святой подарил написанную им икону Богородицы митрополиту Максиму и чрез это как бы прославился и стал известен, то в киприановском житии все построено более логично, подробнее исторически и более искусно в литературном отношении. Рассказав о праведной и богоугодной жизни Петра и приведя названное метафорическое сравнение, Киприан говорит о том, что добродетельное житие Петра «и князю тогдашнему во слух преиде... и вельможамъ такожде, и, просто реши, всей стране и земли оной». После этих слов Киприан прибавляет: «Тогда бо бяше во своей чти и времени земля Вельнская, всякомъ обильствомъ преимущи славою, аще и ныне по многих ратех не такова». И только после этого Киприан рассказывает о встрече

Петра с Максимом и о подаренной им иконе: «Тогда убо и прилучися и святителю оному Максиму, иже во она лета престол всеа Рускыа земля украшаше, и приходити землю ону, поучаа люди божиа по преданому уставу. Прииде же и божиа человекъ Петр со своею братиею благословенна от святителя приати и образ пречистыа нашеа Богородица, иже бе сам написал, принесе ему. Святитель же божиа Максимъ оного убо со всею братиею благослови, образ же пречистыа с великою радостию приемъ, и златомъ и камениемъ украсив, и у себе держаше, во дни и в нощи моляшеся ей непрестанно о сохранении и о соблюдении Рускыа земля даже до своего живота».

В данном случае добавления и распространения Киприана отнюдь не носят характера литературного украшения, а уточняют факты, делают ход рассказа более ясным и логичным. Замечая о состоянии Волинской земли в свое время, Киприан как бы дает понять читателю, что он хорошо знаком с Волинью, т. е. с теми местами, откуда происходил Петр. Заслуживает внимания последняя фраза из приведенной выше цитаты: «моляшеся... о сохранении и о соблюдении Рускыа земля», которой в первоначальном житии соответствует — «моляшеся ей (иконе, — Л. Д.), прося милости миру». Из этих слов мы можем сделать вывод, что Киприан стремился в своем «Житии» усилить его местную, московскую направленность.

Далее в обоих житиях сообщается о смерти Максима и о притязаниях на митрополичий стол Геронтия. Каприан в своем «Житии» по сравнению с первоначальным в этом эпизоде вставляет слова о том, что всякий «дар совершен свыше есть, сходя от бога отца светом», говорит, что Геронтию, видимо, были неизвестны слова писания, — «Ни хотящему, ни текущему, но милующему богу», — если он дерзнул самовольно претендовать на митрополичий стол. В первоначальном житии только сообщается, что Геронтий и Петр одновременно пошли в Царьград; никаких объяснений, почему Петр тоже решил идти в Царьград, здесь нет. Каприан же подробно рассказывает об обстоятельствах, побудивших Петра предпринять это путешествие после смерти Максима. Дерзкие притязания Геронтия на русскую митрополию стали известны «по всей земли русской», слух о них дошел «даже и до Вельни». Тогда «князь же Вельнскыа земля совещеваетъ совет не благ: восхоте Галичскоа епископыи в митрополию претворити». Хотя, согласно рассказу самого же Киприана, поставление Петра в митрополиты произошло благодаря стараниям волинского князя, тем не менее Киприан осуждает князя за то, что он хотел раздробить русскую митрополию. Волинский князь начинает уговаривать Петра отправиться в Царьград для поставления в русские митрополиты. Петр долго не соглашается, так что приходится уговаривать его и самому князю, и боярам, и советникам князя. Наконец, «вспоминая пророка, глаголюща: „священници твои облукутся правдою, и преподобнии твои радостию возрадуются“, и пакы: „Ты еси иерей во веки, по чину Мелхиседекову. Господь одесную тебе, сокрушаа брани“», он решается идти в Царьград. Получается, что в конце концов на Петра повлияли не длительные и настоячивые уговоры князя и его бояр, а внутренняя убежденность Петра в своем призвании быть священноначальником. Киприан во всем рассказе имеет в виду не только те исторические факты, о которых он пишет, но и не в меньшей, если не в большей степени обстоятельства собственной жизни.⁹³ Сама ситуация в данном случае очень сходна с историей поставле-

⁹³ Эту характерную особенность киприановского жития Петра отметил уже В. О. Ключевский: «Святитель (Петр, — Л. Д.), которого вся Русь призывала в молитвах, прошел через те же смуты русской церковной жизни, от которых нравственно и

ния на митрополию Киприана: Ольгерд, князь литовский, просил константинопольского патриарха поставить Киприана в литовские митрополиты. Это обстоятельство могло быть, и скорее всего и было, хорошо известно в Москве. Рассказывая о поставлении в митрополиты Петра, Киприан между строк как бы говорит, что эта история точно такая же, как и его собственная, и старается подчеркнуть, что он осуждает вольного князя за его желание дробить русскую митрополию, т. е. этим самым Киприан дает понять, что желание Ольгерда сделать его митрополитом Литвы — это только желание Ольгерда, а сам он к этой идее никакого отношения не имеет. Вспомним, что во втором послании к Сергию и Федору Киприан подчеркивает, что он всегда был сторонником единства русской митрополии и боролся за это единство. Говоря о том, что не уговоры князя действовали на решение Петра идти в Царьград, а более высокие причины, Киприан этим дает понять, что князь может только хотеть видеть на святительском месте желаемое ему лицо, но решить этот вопрос может лишь божественное произволение и патриаршеский собор. Как мы знаем, во втором послании Киприана к Сергию и Федору значительное место занимают доказательства того, что ни князь, ни митрополит не могут сами назначать восприемника митрополичьей кафедры после смерти предшествовавшего митрополита.

В первоначальном житии рассказ об одновременном путешествии в Царьград Геронтия и Петра построен прямолинейно, в виде двух законченных эпизодов, следующих один за другим. Сначала рассказывается о Геронтии: он отправляется в путь; на море ему является икона, написанная Петром и подаренная им Максиму; икона предрекает Геронтию, что он не получит желаемого, а в русские митрополиты будет поставлен Петр; корабль, на котором плывет Геронтий, сбивается с пути и долгое время блуждает в море. Затем повествуется о Петре: о его благополучном плавании в Царьград и о поставлении в русские митрополиты. Вслед за этим сообщается о прибытии в Царьград Геронтия, «патриарх же Афонасей, испытав, не освяти его, но весь сан взяв и дасть Петру митрополиту».

В киприановском рассказе, в фактическом отношении полностью повторяющем рассказ первоначальной редакции, все построено значительно сложнее и искуснее: повествование о Геронтии переплетается с рассказом о Петре. Сообщив о смерти митрополита Максима, Киприан рассказывает о сборах в Царьград Геронтия. После этого он передает рассмотренные выше обстоятельства, при которых Петр пошел в Царьград. Затем снова возвращается к Геронтию и сообщает, что после путешествия по суше Геронтий приходит к морю, садится на корабль и отправляется к Царьграду. В это же самое время «преподобному же отцю нашему Петру блаженному море достигшу тако же, и на иномь месте в корабль вшедшу, и к тому же Цариграду поплувшу». После этих слов говорится о неудачном плавании по морю Геронтия: буря относит его корабль в сторону. В то же время «Петрову же кораблю тих некий и хладен, яко же зефир, и пособен ветр бысть, и якоже во сне море скоро прешедшу, к стенам Цариграда, рекше Костянтина, прилетевше». Вслед за этим повествуется о явлении Геронтию пророчествующей иконы и о его прибытии в Царьград: «И тако, по мнозе истомлении и бурях ветрених, едва возмогоша Цариграда дойти». Потом опять рассказывается о Петре — о его приходе к патриарху,

материально потерпел Киприан. Рассказать об этом значило для Киприана стать под защиту великого имени, осудить враждебные стремления и избежать необходимости разбирать собственные действия, о которых хотелось молчать» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 86).

о созыве собора и поставлении Петра митрополитом всея Руси. Киприан в этом месте замечает — вот это и есть исполнение видения матери Петра. После этого рассказ снова возвращается к Геронтию: Геронтий сообщает патриарху о своем пути в Царьград и о чудесном явлении ему иконы, написанной Петром. Патриарх наставляет Геронтия, отбирает у него все митрополичьи регалии и передает их Петру. Рассказывается о беседах и поучениях патриарха Петру.

Весь этот рассказ у Киприана в несколько раз больше соответствующего места первоначального жития, но едва ли можно говорить о его излишней растянутости и риторичности, так как элементы литературной риторичности употребляются Киприаном довольно умеренно: детализация и дополнительные моменты в описаниях путешествий Петра и Геронтия, их пребывания в Царьграде делают все повествование более увлекательным для читателя. Киприан подробно говорит о трудном пути Геронтия, о грозном явлении ему иконы богородицы. Все это нужно Киприану не только для литературной красочности и занимательности, но и для того, чтобы на ярком, впечатляющем эпизоде показать, что самовольные и незаконные притязания на церковно-иерархические должности строго караются свыше. И когда Геронтий приходит к патриарху с рассказом о своих мытарствах и своем видении, то патриарх наставляет его: «Патриарх же то слышав от Геронтия, и доволна словеса извеща ему не мудрити нижних, ни собою на горняя помышляти, но возлагати на бога упование: ему же хочеть, тому дать. Еще же и от правил богоносных отець наших прирек, яко не достоин миряном избрания святительская творити, ниже никому же смети самому на таковой сан дерзати, не прежде от святого собора избран, паче же от пресвятого и живоначального духа знаменан». Петр же был «от пресвятого и живоначального духа знаменан»: по морю он проехал так быстро, как будто пролетел его во сне; о том, что Петр должен быть митрополитом, предрекает Геронтию икона божьей матери; наконец, когда Петр по прибытии в Царьград входит к патриарху, «благоухания некоего исполнися храма она (идеже бе патриарху сядящу). И разуме духом святымь патриарх, яко приходом Петровым благоухание оно бысть». Таким образом, в центральной и наибольшей по объему части повествования, в рассказе о притязаниях на митрополию Геронтия и о поставлении в митрополиты Петра Киприан не только излагает историю Петра, но как бы на конкретном примере иллюстрирует свое положение о том, что церковные должности даются не людьми, а назначаются на небесах. Борьба Петра и Геронтия за митрополичий престол могла напомнить борьбу за русскую митрополию и самого Киприана, и этот рассказ свидетельствовал о том, что победа Киприана произошла потому, что и Киприан на русскую митрополию, так же как и Петр, «от пресвятого и живоначального духа знаменан». По всей видимости, Киприан не специально подбирал и подчеркивал факты из жизни Петра, которые были сходны с его собственной судьбой, а, исходя из данных биографии Петра, стремился увидеть сходство своей судьбы с судьбой почитаемого им русского святого.

Получив рукоположение в Царьграде, Петр отправляется на Русь. Здесь он начинает учить и наставлять порученное ему стадо христово, являя собой образец кротости и смирения. Но дьявол воздвигает вражду на Петра. Этот отрывок очень близок в обоих житиях. Далее имеется некоторое отличие: в первоначальном житии после слов о дьяволе идет рассказ о клевете на Петра тверского епископа Андрея; у Киприана же сначала говорится о том, что по наущению дьявола «некии» противились пришествию Петра: «Сим же тако имущим и по вся часы учащу святи-

телю, не бе лукавому врагу диаволу терпети учения святого и жестокаго его жития, но яко изначала человеческому роду враг и ратникъ, не хотя никогда же ползу человеческу видети, и малу спону святому сотвори: неких подгнети на злоумышление не хотети святителя Петра пришествия. Блаженный же и тех сладок некак учениемъ учение божественных писании избираше, и пакы учаше: во времени же и тые себе зазреша, и святителя приаша честно, и со смирениемъ токмо покоришеся. Он же не токмо не злопомни, но и душа тем отдасть, и душами их печашеся, и о них молитву сотвори, и своему делу прилежаше песьми и молитвами ко богу и всеобщимъ стояниемъ». По всей видимости, как уже отметил Е. Голубинский, за этим эпизодом стоит реальный исторический факт, а за «некими», не желавшими видеть Петра митрополитом, нужно подразумевать тверского князя Михаила Ярославича, но для Киприана и в этом случае важно не столько дополнить биографию Петра новыми фактическими данными, сколько показать аналогичную с собственной судьбой ситуацию в жизни Петра. Когда Киприан после смерти Алексея пришел в Москву, то, как мы помним, «некие» тоже не хотели видеть Киприана митрополитом и совершили против него «злоумышление». Сказав о том, что Петр по отношению к своим врагам не только «не злопомни, но и душа тем отдасть, и душами их печашеся», Киприан дал этим понять, что он тоже прощает тех, кто совершил над ним насилие в 1378 г.

Рассказ у Киприана об оклеветании Петра тверским епископом Андреем и о разборе этой клеветы в присутствии патриаршего клирика на соборе в Переяславле по содержанию, по последовательности развития сюжета и по фактическим данным полностью повторяет рассказ первоначального жития; в ряде случаев киприановское житие совпадает с первоначальным и текстуально. Как и в весь текст вообще, так и в данный отрывок Киприан вносит ряд сюжетных и словесных добавлений и украшений. Киприан характеризует епископа Андрея по образцу житийных характеристик отрицательных персонажей: «... диавол завистию подходить и подгнещаетъ на злоумавредие Андрея, епископа суща Тферскаго предела, легка убо суща умом, легчайше же и разумом, изумлена суща и о суетней сей славе зинувша: и поостривши язык свой, глагола на праведнаго безаконие, и исплетаетъ ложнаа и хулнаа словеса иже на блаженнаго и святителя Петра митрополита русскаго». Киприан сообщает, что собор в Переяславле был бурным и Петру пришлось весьма энергично отстаивать свою правоту и отвергать обвинения Андрея: «И многими божественными словесы преподобный святитель глаголаше, отревая от себе наваждение оно живое, и яко добрыи воин на обе руже стреляя, учения испущая скорейше речных быстрин, и напаяя их сладчайше меда и сота».

После этого Петр начинает ходить по «градам и весям», проповедуя слово божие, и приходит в Москву. В первоначальном житии о Москве говорится так: «обрете град честен кротостью, зовомы Москва»; Киприан более подробно и немного иначе: «прииде же пакы в славный град, зовомый Москва, еще бо тогда малу сущу ему и не многонародну, якоже ныне видимъ есть нами». В обоих житиях подчеркиваются благочестивость, божественная кротость и любовь к церквям и монастырям князя Московского Ивана Даниловича. Петр дает великому князю совет построить в Москве каменную церковь. В первоначальном житии при этом говорится только, что князь послушался Петра. Киприан добавляет пророчество Петра о будущем величии Москвы: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм Богородица воздвигнеши во своемъ граде Москве, и самъ прославишися паче инех князей, и сынове и внуцы твои в роды и роды, и град сей славень будетъ во всех градах русских, и святители поживуть в нем, и въздуть

„руки его на плеча враг его“, и прославится бог в нем, еще же и мои кости в нем положени будут». Как видим, Киприан значительно усиливает промосковскую направленность жития. Подчеркивая роль Петра в деле возвеличения Москвы, он тем самым возвеличивает значение духовной власти в государственной жизни. И, развивая эту мысль, немного далее Киприан вставляет фразу, уже цитировавшуюся выше, о «непрестанном веселии духовном» между князем и митрополитом. Характеризуя отношения между Петром и Иваном Даниловичем, Киприан как бы говорит своим современным читателям: вот идеальный пример того, каким должно быть взаимоотношение высшей светской и духовной власти.

Рассказ о построении каменного храма в Москве, о приготовлении святого к смерти и о его кончине в киприановском житии очень близок к тексту первоначального жития, в ряде мест совпадает с ним почти дословно. Однако имеются и отдельные различия, некоторые из них весьма существенны. Из-за отсутствия князя в Москве Петр призывает к себе перед кончиной «старейшину града» Протасия. В первоначальном житии передаются такие слова, якобы сказанные Петром Протасию: «О, чадо, мир подай, иже благоверному князю и всему дому его, и тебе мир». Киприан значительно перерабатывает это завещание умирающего Петра, усилив похвалу великому князю Московскому Ивану Даниловичу, всему его потомству и Москве: «Чадо, се аз отхожду жития сего, и конец приходит и час разлучения души от тела. Оставляю же сыну моему возлюбленному князю Ивану Даниловичу милость и мир и благословение от бога и семени его до века. Елико же сын мой и мене упокои, да воздасть ему господь бог сторицею в мире семь, и живот вечный да наследить, и да не оскудеет от семени его обладаа местом его, и память его да упространится».

После одинаковых слов в обоих житиях о том, что Петр передал Протасию «влагалище» с денгами на церковное строение, в первоначальном житии читается такая фраза: «Вечеру же бывшую, и нача святыи вечернюю молитву, и еще суши молитве во устех его, и рече преподобному архимандриту Феодору, его же воименова на митрополию: „мир ти, чадо, аз почити хошу“. И абие предаст дух». Киприан заменяет это место словами о том, что Петр созвал к себе «прилучившихся во граде» священников, иноков, вельмож и «все православство» и «довольно их поучив пути спасенному», после этого Киприан говорит о кончине святого. Это единственный пропуск фактического сведения первоначального жития, допущенный Киприаном. Дело заключается в том, что в данном случае Петр шел против церковно-канонических правил, выступал в роли, резко осужденной Киприаном во втором послании к Сергию и Федору. В этом послании Киприан, в частности, писал: «Епископом бо от соборов поставлятися повелено бысть. И 23 правило антиохийского събора тако глаголетъ: „не подобаеъ епископу, аще и на конецъ жития своего, иного оставляти наследника в себе место“». Киприан не мог в житии восхваляемого им святого оставить рассказ о факте, который резко противоречил его собственным убеждениям, поэтому он и опустил слова о том, что Петр сам «воименова» на свое место архимандрита Федора.

Весть о смерти Петра доходит до князя, он сразу же возвращается в Москву и погребает тело святого. Киприан говорит о большой печали великого князя и сообщает, что Петр был похоронен в церкви Успения пресвятой богородицы, о чем в первоначальном житии не упомянуто.

Так же как и в первоначальной редакции, Киприан сообщает о чуде, совершившемся во время погребения святого: человек, не веривший в святость Петра, увидел, что умерший Петр, сидя в гробу, благословлял весь

народ. Чудо это у Киприана рассказано подробнее и красочнее, чем в первоначальном житии.

В первоначальном житии кратко, в нескольких словах, сообщается об исцелении от гроба святого, на 20-й день после его погребения, юноши, не владевшего руками, «слукого» и «слепого». После этого рассказывается, что во время чтения епископом Прохором на Владимирском соборе рассказа о чудесах от гроба Петра в Москве, человек, видевший чудо во время похорон Петра, рассказал на соборе об этом чуде. Вслед за этим в первоначальном житии идет краткое заключительное слово — похвала святому.

В киприановском житии повествуется о тех же чудесах, что и в первоначальном, но рассказ Киприана более подробный и украшенный, хотя в целом повторяет первоначальный текст и иногда очень близок к нему текстуально.

Вслед за этим у Киприана идет совершенно самостоятельный текст, не зависящий от первоначального жития, — «О приходе Феогнаста митрополита» и «Слово похвально святителю Петру митрополиту».

В первом из названных рассказов Киприан говорит о причислении Петра к лику святых патриаршим собором после того, как пришедший на митрополичий стол Феогност сообщил константинопольскому патриарху Исаяе о чудесах, совершающихся у гроба святого.

«Слово похвально» представляет значительный интерес для понимания всего киприановского «Жития Петра» в целом. Более чем три четверти похвального слова посвящено самому Киприану, а не Петру. Похвальное слово Петру Киприан начинает рассказом об истории своего поставления на русскую митрополию. На митрополичий стол всея Руси он был поставлен священным собором при патриархе Филофее «не вемь како судбами, ими же вестъ бог». Когда он пришел как митрополит на Русь, ему «ради его грехов» «мало что сопротивно прилучися». После этого Киприан рассказывает о своем возвращении в Царьград, где он надеялся обрести утешение, но «обретох всяко неустроение в царех же и в патриаршестве». В то время на патриаршеском престоле сидел «злевозведеный Макарий безумный, дерзнувый кроме избрания соборнаго, паче же назнаменания святаго духа наскочити на высокый престол патриаршескый царьскимъ точию хотениемъ». Вслед за этими словами Киприан подробно повествует о судьбе Филофея, перечисляя все его заслуги перед церковью. Далее он сообщает, что гонитель Филофея, тогдашний константинопольский царь, вскоре после смерти Филофея «царства напрасно лишен и живот свой зле погуби», вслед за царем «измается» с патриаршеского стола Макарий. При этом Киприан замечает: «На том же убо соборе и аз со инеми святители бых, в том же свитце извержения его подписах». Далее Киприан рассказывает, что, заболев и не зная, как ему выйти из Царьграда на свою митрополию («море убо латынею держимо, земля же и суша обладаема безбожными турки»), он начал призывать в молитвах на помощь себе Петра: «Рабе божи и угодниче спасов! Вем, яко дерзнове-ние велие имеши к богу и можеши, святителю, напастуемым и болным помощи, идеже еще хоцеши, и еще убо угодно есть тебе твоего ми престола доити и гробу твоему поклонитися, и даи же ми помощь, честныи нашъ учителю и благый наставниче, и болезни облегчение». После этой молитвы он сразу же поправился и благополучно добрался до Руси: «Придох и поклонихся гробу его чудотворивому, внегда убо приат нас радостию и честию великою благоверныи великий князь всея Русии Дмитрей, сын великого князя Ивана, сына славного великаго князя Ивана». И только теперь следует краткая похвала Петру, причем и в этой похвале

Киприан упоминает себя: «Нас же, молим тя, назирай, святителю, и управляй свыше своею милостию. Веси бо, колику тяжесть имать житие се: в том бо, блажене, и ты некогда трудился еси».

Как видим, в «Похвальном слове» с наибольшей яркостью проявилась основная тенденция всего жития — житие Петра в не меньшей степени посвящено Киприаном самому себе, чем Петру. Как это ни парадоксально звучит, но житие Петра, написанное Киприаном, в какой-то степени автобиографично. Если в самом тексте жития эта автобиографичность присутствует незримо, между строк, то в похвальном слове Киприан сказал об этом совершенно открыто. В этой автобиографичности заключается публицистическая направленность киприановского жития Петра. На примере аналогичных фактов из биографии Петра Киприан стремился показать, что его судьба во многом была сходна с судьбой прославленного московского святого. Рассказывая о тех или иных событиях из биографии этого святого и давая им свою оценку, он, как мы могли убедиться, выражал мысли, сходные с теми, которые им проводились во втором послании к Сергию и Федору, в наставлениях игумену Афанасию. В похвальном слове Киприан давал недвусмысленно понять, что сам Петр помог ему достичь митрополичьего стола всея Руси. Все сказанное дает нам право утверждать, что киприановское «Житие митрополита Петра» — ярко публицистическое произведение, публицистичность которого, как удачно сказал С. А. Бугославский, прикрыта агиографической формой.

Обычно время написания «Жития митрополита Петра» Киприаном относится к периоду с 1397 по 1404 г.⁹⁴ на что как будто указывает и «Сказание вкратце о премудром Киприяне, митрополите Киевском и всеа Руси», где, в частности, говорится, что Киприан написал «Житие Петра» в селе Голенищеве. Однако более правильным представляется предположение С. Шевырева, датирующего это житие 1381 г., хотя никакого обоснования этой датировке он не приводит.⁹⁵ Об этом свидетельствуют фактические данные, сообщаемые Киприаном о себе в похвальном слове: здесь все факты не переходят границ 1381 г. Говоря о своем уходе из Царьграда, Киприан ничего не сообщает о том, что патриарший собор подтвердил его права на русскую митрополию. Это объясняется тем, что в 1380 г. Киприан определением патриаршеского собора лишился кафедры митрополита всея Руси и назначался лишь митрополитом Литовским, а митрополитом всея Руси был рукоположен Пимин. Вторичное и окончательное утверждение Киприана митрополитом всея Руси произошло на соборе 1389 г., и если бы Киприан писал житие Петра после этого времени, то он не преминул бы упомянуть столь выигрышное для себя обстоятельство. Датировка жития 1381 г. объясняет, почему Киприан в своем похвальном слове так много внимания уделяет восхвалению святости, богоизбранности и церковных заслуг «дивного» Филофея, рукоположившего Киприана в митрополиты, и так много говорит о неустороениях и беспорядках в патриархии после Филофея. Рассказом об этих событиях Киприан опорочивает законность решений собора 1380 г., не называя при этом имени Пимина.

Написание киприановского жития Петра в 1381 г. делает понятной его яркую публицистичность. Именно в это время, когда Киприан пришел в Москву после неудачной попытки занять митрополичий стол в 1378 г.

⁹⁴ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 88; История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 235.

⁹⁵ Ст. Шевырев. История русской словесности, ч. III. СПб., 1887, стр. 88. Со ссылкой на Шевырева эту же дату приводит и В. Киселков (см.: Киселков, стр. 228).

и еще не был уверен в своей окончательной победе, ему необходимо было доказать свое неоспоримое право на русскую митрополию, подтвердив его таким авторитетным в Москве именем, как имя митрополита Петра.

Первоначальное краткое житие Петра было написано безыскусственно, почти деловым, сухим языком, сообщало, по существу, лишь факты из жизни святого. Киприановское житие, значительно расширенное, отличается большей языковой изысканностью, большей литературностью, большим мастерством. Совершенно бесспорно, что Киприан заботился о литературной форме своего произведения. В целом ряде случаев рассказ Киприана приобретает своеобразную ритмичность из-за употребления глагола-сказуемого в нескольких смежных предложениях в одинаковой форме и в одинаковых положениях в начале предложения или в конце: «И исходить убо от обители, и обходить округь места она пустынаа, и обретаеть место безмолвно на реце нарицаемыа Райта; и ту жилище себе водружает, и труды многы подемельть и болезни к болезнезь прилагает, и поты проливаеть, и церковь воздвизает во имя спаса нашего Исуса Христа, и келии воставляет в пребывание приходящей к нему братии». Своеобразная ритмичность создается также и тем, что Киприан часто ставит глагол в конце законченного синтаксического периода, при этом глаголы, как правило, стоят в одинаковой форме: «на сего ми месте стоящую, и на его гроб зрящую, и того же ми престола наследствовавшую»; «и от тамо сущаго игумена постригается, и к братии причитается»; «Оному же изшедшу, и тако море благополучне преплушу, и ко святейшей митрополии рускаго престола пришедшу, и мир и благословение всемь подавию» и т. п.

Киприан любит употреблять рядом однородные слова в разных формах: «доволен ныне есть похвалити достойное по достоинству»; «виде видение таково»; «но убо учителеви с прилежанием ему прилежащу»; «и в мале времени собрася к нему немало число братии»; «Геронтеи же некто, игумен сын дерзну дерзостию»; «и посла убо посылает с писаньми и с нимь посла и Петра преподобнаго»; «и дивнаго Петра, светилника на свещеници поставив, яко да всем сущим в храмине светить»; «и техсладох некак учениемь учение божественных писаний избираше, и паки учаше»; «кrotкаго бо учителя кроткий ученикь»; «свещаваеть же блаженный Петр съвет благ князю Ивану Даниловичю, совету ему»; «и в малых днех царствующаго града изыдох, и божиим поспешением и угодника его Петра чудотворца и море преидох, и Руския земля доидох. Приидох и поклонихся гробу его».

Довольно часто Киприан употребляет сложносоставные слова: «самохотием», «древо благолиственое», «благоукрашено», «подгнещаеть на злоумавредие», «всесвещеннейший», «самоделатель», «злевозведенный», «медоточный язык», «многонароден» (град Москва).

Однако Киприан отнюдь не злоупотребляет этими приемами, они не становятся для него самоцелью. Все эти стилистические особенности киприановского жития не могут быть расценены как холодная искусственная риторичность. Замечательно в этом отношении то, что Киприан в своем житии Петра совсем не употребляет сложных синонимических рядов, которые так характерны для агиографических памятников периода второго южнославянского влияния и которые так любил Епифаний Премудрый. Евфимий Тырновский, которого мы скорее всего могли бы считать образцом для Киприана, хотя и не в такой мере, как Епифаний, но также широко употреблял этот прием в своих житиях: «Добре прииде, христова краснаа невесто, чистаа голубице, позлащеннаа светымь духомь, девьственаа похвало, пустынножителнице, аггелом събседнице, добродетели раю, чистоты красной доме... Ты женамь слава, девамь красота, апостольскаго жития

образъ, пустыннокомъ удобрение, юнныимъ заступница, сущиимъ под бракомъ хранителница, всакому требованию различнаа подателница» (из «Жития Петки»).⁹⁶ Ничего подобного в житии Петра, написанном Киприаном, мы не найдем. Бесспорно, что киприановское житие Петра с литературной стороны написано искусно, но по стилю и своим языковым особенностям не идет в русле памятников второго южнославянского влияния.

Говоря о епифаниевском житии Стефана Пермского, Д. С. Лихачев отмечает: «Бессильный выразить свои возвышенные представления, автор стремится передать лишь свое отношение к ним, охарактеризовать свои чувства, возбужденные жизнью святого, извлекает из них правоучительный смысл, учит и проповедует больше, чем передает факты. Факты в житии Стефана Пермского могли бы уместиться на одной пятидесятой произведения — все остальное, т. е. остальные сорок девять частей посвящены взволнованным размышлениям о жизни святого».⁹⁷ Эта черта присуща не только произведениям Епифания Премудрого, но и другим памятникам агиографии периода второго южнославянского влияния — житиям Евфимия Тырновского и Пахомия Логофета. Однако она совсем не характерна для киприановского жития Петра, и в этом отношении оно отличается от агиографических произведений периода второго южнославянского влияния.

Однако не надо забывать близость Киприана к Евфимию Тырновскому, нельзя не принимать во внимание и того, что житие Петра Киприан написал в 80-х годах XIV в. и какие-то черты, характерные для литературного развития этой эпохи, должны были найти отражение и в труде Киприана. Характеризуя особенности агиографических произведений Евфимия Тырновского, П. Диников, в частности, отмечает: «В житиях Евфимия мы замечаем первые признаки интереса к личности, внимание к человеческой личности, столь характерное для эпохи ренессанса. Писатель пытается раскрыть внутренний мир своих героев, описать их душевные переживания, показать постепенное развитие личности. Все это, разумеется, делается очень схематично и примитивно. Но это стремление к индивидуализации проявляется и в другом отношении: автор не прячет свою личность, выражает свое личное отношение к героям (особенно в длинных введениях, в похвалах и в заключениях), отводит много места лирическим и субъективным моментам, рассказывает о приемах в своей работе и о своих творческих намерениях».⁹⁸ В житии Петра, написанном Киприаном, наиболее ярко проявилась именно эта черта, характерная для литературы того периода. Интерес к личности, стремление к индивидуализации нашли в силу поставленных Киприаном задач при написании жития Петра своеобразное отражение в этом литературном труде. Житие Петра, как уже было отмечено выше, в значительной степени носило автобиографический характер. И эта автобиографичность литературного произведения была тем новым явлением, которое обогащало русскую литературу, делало шаг вперед в ее развитии.

В остальном же, и по поставленным перед собой автором задачам, и по всему направлению, и, что самое главное, по стилю, характер киприановского жития Петра совершенно иной, чем характер болгарских житий, предшествовавших житию Петра, и тех произведений агиографии, которые обильно начнут появляться после киприановского жития Петра из-под пера таких мастеров этого жанра древнерусской литературы, как Елифаний

⁹⁶ Сочинения Евфимия Тырновского, стр. 73 и 74.

⁹⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 84.

⁹⁸ Диников, стр. 73.

Премудрый и Пахомий Логофет. Таким образом, «Житие митрополита Петра», написанное Киприаном, ни в коей мере не может считаться образцом последующих произведений русской агиографической литературы. То, что в период второго южнославянского влияния болгарин, пришедшим на Русь, человеком высокой книжной культуры, было написано агиографическое произведение не в духе второго южнославянского влияния, убедительно подтверждает приведенное в начале этой статьи определение характера этого явления, данное Д. С. Лихачевым. Второе южнославянское влияние — это не насильственное насаждение на русской почве чуждого русской литературе стиля, а явление, обусловленное всем развитием русской литературы. И в этом отношении, конечно, замечательно то, что первым представителем этого литературного течения на Руси был не болгарин Киприан, а русский писатель Епифаний Премудрый.

Ряд исследователей весьма низко оценивали литературную деятельность Киприана и в какой-то степени даже обвиняли его в насаждении на Руси мертвого искусственного стиля, затормозившего развитие самобытной русской национальной литературы. Однако подробное рассмотрение литературных трудов Киприана полностью подтверждает мнение тех ученых, которые высоко оценивали его литературную деятельность. Как мы могли убедиться на анализе различных оригинальных сочинений Киприана, он умело пользовался и простым, бытовым языком, и литературно-риторическими приемами. Бесспорно, сочинения Киприана обогащали русскую литературу, русский литературный язык. Кроме того, как человек предвозрожденческой эпохи, Киприан первым на Руси в литературном произведении не только называл свое имя как автора написанного им сочинения, но и много внимания уделил в этом сочинении самому себе, что не могло не оказать влияния на отношение к вопросу о личности автора в древнерусской литературе.
